

ДАРЬЯ ЛЮСЬЕН

ПОЛНОЧЬ В МАЙАМИ

В МАЙАМИ ПОЛНОЧЬ, И ОХОТА НАЧИНАЕТСЯ.

Дарья Люсьен

Полночь в Майами

<https://litres.ru/74402062>

Аннотация

Кира Соболева убивает вампиров. Сорок девять штифтов в сердце за пять лет, серебряная шпилька в волосах, шёлковое платье как рабочая форма. В Майами её знают немногие: куратор Эстебан, бывший патологоанатом из Гаваны, и двое охотников, которые предпочитают держаться подальше.

Всё меняется в одну ночь. На зеркале гостиничного номера, ещё мокрым от чужой крови, кто-то выводит пальцем три строки: «Ты охотишься не в той лиге, *chica*. В пятницу. Яхта *Madeleine*. *Marina Bay*. Приходи в чём-нибудь чёрном».

Адриан фон Шёнберг живёт триста лет. Австрийский аристократ, владелец галерей в Уинвуде и виноделия в Аргентине, обитатель особняка на *Star Island*. Он пьёт лицензированную донорскую кровь из хрустального бокала и охотится на своих — на тех, кто превратил их природу в клубный аттракцион. Ему нужен свидетель. Ему нужна охотница. Ему нужна она.

Кира соглашается на одну операцию. Только на одну. Только до тех пор, пока в гостевой комнате его дома не появляется труп с её собственным почерком на груди — и метка чужого вампира на лопатке.

Кира согласилась на одну охоту. Адриан пообещал, что она вернётся живой. Обещание древнего стоит дорого. Особенно когда у древнего своё понимание слова «живая».

В Майами полночь. И охота начинается.

Содержание

Глава 1. Шёлк и серебро	5
Глава 2. Утро в Coconut Grove	15
Глава 3. Madeleine	29
Глава 4. Аристократ	42
Глава 5. Чужой почерк	57
Глава 6. Гниль	70
Глава 7. Подготовка	82
Глава 8. La Sangre Negra	94
Глава 9. Salt Cay	109
Глава 10. Aston и иерархия	123
Глава 11. Голод в Эверглейдс	138
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Глава 1. Шёлк и серебро

Платье цвета шампанского жмёт под левой подмышкой. Там у меня ножны.

Терплю. Это рабочая одежда — она должна напоминать, что я здесь не отдыхаю.

Бар на Ocean Drive в три ночи — аквариум, в котором забыли поменять воду. Туристы плавают вдоль стойки с открытыми ртами, музыка громче, чем нужно, бармен наливает что-то синее в стаканы, на которые завтра никто не посмотрит. Я сижу в дальнем углу, спиной к стене, в правой руке — бокал с водой, в которую плеснули каплю просекко для запаха.

Третий час я здесь. Третий час я медленно теряю терпение и быстро — каблуки.

Цель появляется в три семнадцать.

Высокий, светлые волосы, белая рубашка с расстёгнутым воротом. Загар равномерный — значит, солярий, не пляж. У живых так не бывает: либо плечи, либо нос, либо неровные руки. У него — фарфор.

Он садится через два стула от меня. Заказывает виски. Не пьёт.

Я роняю салфетку. Наклоняюсь медленно, чтобы ткань платья сделала своё дело. Поднимая, ловлю его взгляд в зеркале за стойкой.

Он улыбается.

Я улыбаюсь ему в ответ — той улыбкой, которую вырабатываешь годами: чуть пьяной, глупой, с намёком на «может быть, ты — то, что мне нужно сегодня».

— Тяжёлая ночь? — спрашивает он. По-английски, с лёгким акцентом. Не американский. Не европейский. Где-то посередине, как у тех, кто слишком много переезжал.

— Длинная, — говорю я.

— Это не одно и то же?

— Длинная — это когда не хочется, чтобы кончилась.

Он берёт свой стакан и пересаживается ближе. Виски остаётся нетронутым.

Я считаю про себя. До трёх. Никто из живых не двигается так — без шума стула, без скрипа ботинок по полу, без выдоха. Он встал и оказался рядом, как будто между «там» и «здесь» не было метров.

Молодой. Лет двадцать, максимум сорок после обращения. Жадный. Уверенный, что я — заработок на вечер.

Хорошо.

— Кира, — говорю я и протягиваю руку.

— Алекс.

Никакой он не Алекс.

Его пальцы холоднее моих градуса на три. Это можно списать на кондиционер в баре, и большинство списывает. У меня нет такой роскоши.

— Ты не пьёшь, — замечаю я, кивая на его виски.

— Я пью медленно.

— А я думала, ты пьёшь что-то другое.

Это была плохая реплика. Я слышу её уже на выдохе и хочу забрать обратно. Но он смеётся — коротко, расслабленно. Принимает за пьяный флирт.

Хорошо. Пусть думает, что я уже на третьем коктейле и завтра меня даже мама не найдёт.

— У тебя интересные серьги, — говорит он.

— Бабушкины.

— Серебряные.

— Угу.

Он чуть отстраняется. Совсем чуть — миллиметр, не больше. Но я замечаю.

Серебро. Старый рефлекс. У молодых он ещё неотточен — они дёргаются, как живые от чужого волоса в супе. Через сто лет научатся держать лицо. Этот не научится.

— Не любишь серебро? — спрашиваю невинно.

— Аллергия.

— Bless you.

Он снова смеётся.

В сумочке у меня — четыре осиновых штифта, узкий клинок и шпилька. Шпилька — серебряная, в волосах. Серьги тоже серебряные, и кольцо на безымянном, и тонкая цепочка на щиколотке. Я хожу, как ходячий рудник. Это часть приманки.

Молодой вампир — это голод. Молодой вампир в Майами

в три ночи — это голод плюс самонадеянность. Он не остановится, даже если что-то покажется ему не таким. Он подумает: «справлюсь».

Они всегда так думают.

— Здесь шумно, — говорю я. — Пойдём.

— Куда?

— У меня номер в Setai.

Он поднимает бровь — это его лучший момент за вечер. Почти искренний.

— Setai дорого.

— Я живу один раз.

Я встаю. Каблук немного подворачивается — нарочно. Хватаюсь за его руку. Он держит меня крепко, как держат то, что собираются съесть.

На улице — жара, влажность, запах океана и выхлопа от такси. Пальмы шуршат над головой, неон вывесок размазывает розовое по мокрому асфальту. Где-то впереди по тротуару идёт компания — четверо парней, громкие, в шортах, с открытыми бутылками. Один блюёт в урну. Майами в три ночи.

— Setai в той стороне, — говорит Алекс-не-Алекс.

— Я знаю.

— Ты часто там останавливаешься?

— Когда хочу побыть одна.

— А сейчас не хочешь?

— Сейчас я хочу не быть одна.

Он улыбается этой фразе так, будто я подарила ему ключ от сейфа.

Идти три квартала. Я делаю их на пять минут дольше, чем нужно — потому что пьяные туристки так и ходят. Спотыкаюсь, смеюсь над собой, цепляюсь за его локоть. Он терпит. Он играет хорошо — для молодого. Поддерживает, шутит, наклоняется к уху и шепчет какую-то банальность про звёзды над заливом.

В лобби Setai — мрамор, тиковые панели, ароматизатор с сандалом. Ночная служащая поднимает на меня глаза, узнаёт постоялицу, опускает обратно в экран. Я плачу за этот номер третий день, не появляясь в нём ни разу. Это рабочее место.

Лифт пахнет чужим парфюмом.

— Этаж? — спрашивает Алекс.

— Шестнадцатый.

Двери закрываются. В зеркале лифта — мы. Я и тень рядом со мной, которая отражается чуть бледнее, чем должна. Старый миф наполовину правда: молодые отражаются почти нормально, древние — почти не отражаются вообще. Этот ещё не научился маскироваться.

Он наклоняется и целует меня в шею.

Холодные губы. Лёгкое касание зубов — пробует, не вздрогну ли. Я вздрагиваю. Он ставит галочку.

— Ты дрожишь, — шепчет он.

— Кондиционер.

— Нет.

— Окей. Ты.

Двери открываются.

Номер угловой. Окно во всю стену, под окном — Ocean Drive, неон, чьи-то крики снизу, далёкий бит из клуба напротив. Кровать королевских размеров, белое бельё, на тумбе — нетронутая бутылка просекко, которую сюда поставили в день заезда. Я бросаю клатч на стол. Внутри что-то металлическое стучится о деревянную поверхность.

— Что у тебя там? — спрашивает он.

— Помада.

— Тяжёлая помада.

— Это от Том Форда. Они там, видимо, в металле лют.

Он смеётся.

Я иду к окну. Спиной к нему. Это самый опасный момент любой охоты — момент, когда ты сама себя ставишь под удар. Если он рванётся сейчас, я не успею ничего достать.

Он не рвётся.

Молодые любят растягивать. Им важно ощущение игры. Им важно, чтобы жертва дошла до кровати своими ногами — это тешит что-то у них внутри.

— Налей мне выпить, — говорю я, не оборачиваясь.

— Что будешь?

— Шампанское.

Слышу хлопок пробки. Аккуратный — он умеет. Звон бокалов. Шаги по ковру. Он подходит сзади, обнимает за талию одной рукой, другой протягивает мне бокал через плечо.

Я делаю глоток. Шампанское тёплое, выдохшееся, отвратительное. Не глотаю — задерживаю во рту, потом украдкой выплёвываю в бокал.

Его рука скользит по моему бедру. Через шёлк он чувствует ремень с ножнами — на правом, не на левом. Я заранее переложила.

— Это что? — спрашивает он.

— Подвязка.

— Странная подвязка.

— Я странная девочка.

Он смеётся снова. Я начинаю уставать от его смеха. Это уже не флирт — это саундтрек к ужину, который он себе мысленно подаёт.

— Кира, — шепчет он мне в ухо. — Ты не та, за кого себя выдаёшь.

Внутри у меня что-то останавливается.

Не страх. Я слишком давно работаю, чтобы пугаться от одной фразы. Внутри щёлкает рабочее — цель что-то знает, корректируй сценарий.

— А кто я? — спрашиваю я. Сладко, медленно.

— Слишком трезвая.

Шестерёнка щёлкает обратно. Он не знает. Он чувствует — но не знает.

— Я выпью, — говорю я и подношу бокал к губам. —
Смотри.

Он смотрит.

Я опрокидываю бокал ему в лицо.

Шампанское заливает глаза, рот, заплёскивает ему в нос. Он отшатывается на полшага — рефлекс живого тела, доставшийся ему в наследство от человеческого периода. Молодые ещё дёргаются, как мы.

За эти полшага я успеваю всё.

Правая рука — к бедру, под платье, к ножнам. Штифт ложится в ладонь, как родной. Левая — к шпильке в волосах. Серебро холодит пальцы.

Он моргает, стирает шампанское с лица.

Я уже под ним, снизу вверх, штифт идёт под ребро.

Но он быстрее, чем я ждала.

Перехватывает мою кисть в воздухе. Сжимает — кость трещит, не ломается, но трещит. Я слышу собственный вдох сквозь зубы.

— Ах ты дрянь, — говорит он. Без улыбки. Без акцента.

— Russian girl, — я выдыхаю. — Surprise.

Бью его коленом между ног.

Это не убивает вампира. Это даже не ранит вампира. Но это рефлекс — у любого, кто когда-то был мужчиной. Он сгибается на долю секунды.

Доли секунды мне хватает.

Шпилька — в его глаз. Не глубоко, не до мозга. Просто чтобы он закричал и отпустил мою руку.

Он отпускает.

Кричит он тихо, сквозь зубы. У них даже боль другая —

не как у нас. Меньше воздуха.

Я падаю на колени, перекатываюсь, встаю с другой стороны кровати. Между нами — белое поле простыни. На простыне — капли его крови. Чёрные, как мазут.

Он вынимает шпильку из глаза. Серебряный кончик блестит чёрным.

— Сука, — повторяет он.

— Это второй раз за вечер. Придумай что-нибудь поновее.

Он бросается через кровать.

Я ухожу влево, цепляю простынь, дёргаю на себя — он спотыкается на собственных ногах, падает на колени у изножья. Я на нём, сверху, штифт обеими руками, угол отработан тысячу раз.

Снизу вверх. Под ребро. Через диафрагму. В сердце.

Он смотрит на меня снизу. Один глаз — синий, второй — тёмный, заплыл кровью.

— Ты... — начинает он.

— Знаю, — говорю я. — Не та лига.

Проворачиваю штифт.

Он рассыпается подо мной — серый пепел, тёплый, как сигаретный, ложится на белую простынь, на ковёр, на мои руки. Запах — старая медь и палёная шерсть. Я этот запах знаю наизусть. Я просыпаюсь с ним пару раз в неделю.

Сажусь на пятки. Дышу.

Кисть болит. Завтра будет синяк на полпредплечья. Пла-

тье — порвано на бедре, по шёлку идёт длинная дыра. Шпилька валяется на ковре, серебро в чёрной крови. Поднимаю. Вытираю о пепел — пепел чистит лучше, чем салфетка, я давно это знаю.

В ванной — горит свет. Я не зажигала.

Замираю.

Вампиры в одиночку не охотятся? Охотятся. Но кто-то всё равно знал, где я. Кто-то всё равно зажжёт этот свет.

Я подбираю с пола штифт. Беру шпильку. Иду к ванной — босиком, шёлк липнет к икрам, под подошвами пепел.

Дверь приоткрыта.

Толкаю её носком ноги.

В ванной пусто. Никого. Только запотевшее зеркало над раковиной — кто-то пустил горячую воду в душе, пар осел на стекле плотной дымкой.

И на этой дымке — пальцем, аккуратно, без спешки — кто-то вывел три строки.

Ты охотишься не в той лиге, chica.

В пятницу. Яхта Madeleine. Marina Bay.

Приходи в чём-нибудь чёрном.

Капли стекают с букв вниз, как чёрные слёзы.

Я стою на пепле и читаю.

И впервые за пять лет работы понимаю, что приманкой сегодня была не я.

Глава 2. Утро в Coconut Grove

Я просыпаюсь от звука вентилятора.

Старый, потолочный, четыре лопасти, скрипит на каждом четвёртом обороте. Я его не выключаю даже зимой — в Майами зимой всё равно жарко, а тишину я не люблю. Тишина — это когда я слышу собственные мысли.

Семь утра. Солнце уже бьёт в жалюзи горизонтальными полосами и кладёт их на пол, как лестницу. Я лежу на кровати поперёк, в той же позе, в которой упала. Платье цвета шампанского валяется на кресле бесформенным комком. На бедре — ровный шов разрыва. Помада размазана по подушке.

Кисть болит.

Поднимаю руку перед глазами — синяк уже проступает. Сине-фиолетовый, от запястья до середины предплечья. Через два дня станет жёлто-зелёным. Через неделю — пройдёт. Не первый.

Сажусь.

Ноги на полу — холодные. Я люблю керамическую плитку именно за это. В квартире нет ковров, нет занавесок, нет лишних вещей. Двухкомнатная в Coconut Grove, второй этаж, окнами на двор с тремя старыми манго. Когда они цветут, всё пахнет приторно и липко. Сейчас они отцвели.

— Кофе, — говорю я себе вслух.

Голос хриплый. Я давно не разговаривала с людьми. Последняя нормальная фраза, которую я кому-то сказала вне работы, была три дня назад в продуктовом — «без пакета, спасибо». Эстебан не считается, он семья.

Иду на кухню босиком.

Кухня маленькая. Окно над раковиной выходит на двор, на подоконнике — горшок с базиликом, который я обещала себе выращивать и забыла поливать. Он ещё жив, но обижен. Кофеварка — старая итальянка, гейзерная, на газу. Я ставлю воду, насыпаю кофе, прикручиваю крышку, ставлю на огонь.

Возвращаюсь в спальню.

Сумочка с прошлой ночи — на полу. Я открываю её и выкладываю содержимое на одеяло: три осиновых штифта, узкий клинок, шпилька, пустые ножны с правого бедра. Четвёртый штифт остался в номере Setai — рассыпался вместе с Алексом-не-Алексом, я не стала его искать в пепле.

Шпилька — отдельно.

Я смотрю на неё в утреннем свете. Серебро потемнело — это бывает после крови. Полирую её мягкой тряпочкой, пока металл снова не светится тонкой холодной линией. Потом мою клинок. Потом штифты.

Это мой утренний намаз. Сначала оружие — потом всё остальное.

Из кухни ползёт запах кофе. Я возвращаюсь, снимаю кофеварку с огня за секунду до того, как она зашипит. Наливаю в кружку — белую, с надписью *Miami PD coffee club*. По-

далили мне на прощание, когда я уходила из лаборатории. Чёрный юмор полицейских — лучший в мире. Лучше только морговой, но это уже Эстебан.

Кофе горячий, горький, без сахара. Я пью его стоя у окна, в одной майке и трусах, и смотрю на двор.

Рыжий кот, с обкусанным ухом, сидит под манго и облизывает лапу. Кот не мой, но я зову его Чегеварой — за бороду и беспартийность. Я не помню, чтобы у кого-то из соседей был такой кот, но он всегда тут. Возможно, он сам по себе. Возможно, он гость моей соседки снизу, у которой каждую неделю меняется парень.

Допиваю кофе.

Иду в душ.

Зеркало в ванной — длинное, на всю стену. Я снимаю майку и смотрю на себя.

Коллекция из восьми шрамов. Я их знаю по номерам, как татуировки. Первый — на ключице, тонкая белая полоска, от ножа в первый год работы. Второй — на левом плече, кривой, от той ночи в Северном Майами, когда я неправильно рассчитала угол. Третий — на боку, длинный, от рёбер до бедра, и я его не люблю показывать даже самой себе. Четвёртый и пятый — на бёдрах, симметричные, парные. Шестой — на голени, короткий, незаметный. Седьмой — на спине, под лопаткой, я его никогда сама не вижу, только в зеркале. Восьмой — на затылке, под волосами.

Свежий синяк на предплечье добавляется к коллекции

временно.

Я смотрю на себя долго. Не оценивая — инвентаризируя. Тело должно работать. Тело — это инструмент. Если инструмент в порядке, можно работать дальше.

— В порядке, — говорю отражению.

Отражение пожимает плечами. Оно мне сегодня не доверяет.

Душ горячий. Я мою волосы, тру кожу, смываю остатки пепла из-под ногтей. Из-под левого выкатывается серая крошка — последняя память об Алексе-не-Алексе. Уходит в сливе.

Когда я выхожу из душа, телефон звонит.

Я знаю этот рингтон. Кубинская гитара, шесть секунд, повтор. Я ставила его специально, чтобы не путать ни с кем.

— ¿Sí? — отвечаю я, заворачиваясь в полотенце.

— Кирочка, — говорит Эстебан. — Ты завтракала?

— Я только проснулась.

— Это не ответ.

— Я кофе пила.

— Кофе — это не завтрак. Кофе — это повод не есть.

Приезжай.

— Что у тебя?

— Тортилья. Чёрная фасоль. И разговор.

Я молчу секунду.

— Какой разговор?

— Такой, который не по телефону, *chica*.

— Через час.

— Через сорок минут. И не лети, как сумасшедшая, на своей машине. Я тебя один раз похороню, и кто будет завтракать со мной по утрам?

Он отключается раньше, чем я успеваю огрызнуться.

Coral Gables в это время — пустой. Богатые ещё спят, дворники только начинают мыть подъездные дорожки, садовники подстригают пальмы. Я еду по бульвару с открытыми окнами. Старая «Хонда Цивик», 2009 года, серая, ничем не примечательная — именно поэтому она у меня и есть. Я могу себе позволить машину получше. Я не позволяю.

Радио бубнит утренние новости на испанском. Я слушаю вполуха. Поджог в Литтл-Гаване. Очередной пропавший турист — на этот раз француз. Прогноз погоды: жарко, влажно, к вечеру гроза.

Стандартный Майами.

Дом Эстебана — маленький, бледно-розовый, с патио, заросшим гибискусами. Перед входом — два кресла-качалки и низкий столик с пепельницей. Двери никогда не закрыты. У него три кота, ни один не сторож.

Я вхожу без стука.

— Эстебан?

— Cocina!

На кухне пахнет так, как пахнет на кубинских кухнях по утрам — кофе, чёрная фасоль, лук, шкворчащее масло, лёгкий дым от сигары, которую он не докурил вчера и положил

в пепельницу. Эстебан стоит у плиты в старой белой майке и шортах. Седой, плотный, с густыми бровями. На шее — серебряная цепочка с медальоном святой Барбары. На запястье — старые механические часы, которые он подзаводит каждый день в семь утра, как ритуал.

— Сядь, — говорит он, не оборачиваясь.

Я сажусь.

Передо мной появляется тарелка. Тортилья с зеленью, чёрная фасоль, ломоть хлеба, кружка кофе. Не такого, как у меня — кубинского, сладкого, густого. Я этот кофе ненавижу. Я его всё равно пью, когда я у Эстебана. Это его территория, его правила.

— Ешь, — говорит он. — Потом разговор.

— Эстебан...

— Я сказал — ешь.

Я ем.

Он садится напротив. Берёт сигару из пепельницы, не зажигает — просто катает между пальцами. У него артрит, ему врач запретил, он перешёл на жевание. Это не помогает, но утешает.

— Как ночь? — спрашивает он.

— Норма.

— *Chica*, ты пришла с фиолетовой рукой и оборванным подолом — это не норма.

Я опускаю глаза на свою кисть. Я даже не заметила, что под футболкой синяк выглядывает.

— Молодой и уверенный. Цеплял за кисть на рывке.

— Один?

— Один.

Эстебан кивает. Долго молчит. Я доедаю тортилью. Он смотрит, как я ем, и в его глазах — то самое выражение, которое я знаю с первого нашего дела. Усталость и нежность, одна на другой, как два слоя краски.

— Кирочка, — говорит он наконец. — Покажи руку.

Я закатываю рукав. Он берёт мою кисть, поворачивает к свету, осторожно сжимает у запястья. Я не морщусь, но он видит.

— Не сломана. Растяжение. Лёд, эластичный бинт, два дня без катаны.

— У меня без катаны вся неделя.

— Тем лучше.

Он отпускает руку, лезет в карман шорт, достаёт телефон. Старый, кнопочный — он не признаёт смартфоны, говорит, что в них слишком много дверей. Открывает галерею. Кладёт телефон на стол передо мной.

Я смотрю на экран.

Снимок сделан, видимо, с улицы — через витрину ресторана. Versailles, я узнаю интерьер: зелёные кожаные диваны, зеркала, лепнина. Утро или день — за окном свет. Мужчина сидит за столиком у окна, перед ним чашка кофе и тарелка с *медианоче*. Светлый льняной пиджак, тёмная рубашка под ним, тёмные очки в руке. Лет тридцать, может, тридцать

пять. Тёмные волосы коротко.

И он смотрит прямо в камеру.

Не в объектив телефона на улице — в *камеру*. Спокойно. Чуть наклонив голову. Будто знал, что снимают, и решил, что не возражает.

— Кто? — спрашиваю я.

— Имя — фон Шёнберг. Адриан.

— Возраст?

— *Chica*, по паспорту там давно уже бессмысленно считать.

Я смотрю на Эстебана.

— Сколько?

— Триста с лишним. Точнее не знаю. Триста — это с тех пор, как имя появилось в архивах, на которые я могу смотреть. До этого, наверное, ещё лет пятьдесят.

Я кладу вилку. Аппетит куда-то уходит.

— Кто заказал?

— Тут странная вещь, *chica*. Заказчика нет.

— То есть?

— Никто его не заказывал. Это от меня тебе. Предупреждение.

Я молчу.

Эстебан не раздаёт предупреждений просто так. За одиннадцать лет, что я его знаю, он три раза предупреждал меня о людях — и три раза это спасало мне жизнь. Один раз — голову. Я научилась слушать.

— Что он сделал? — спрашиваю.

— Ничего. И в этом проблема. У такого, как он, не бывает «ничего».

— Эстебан, переведи.

Он откидывается на спинку стула. Берёт свою кружку кофе, делает глоток.

— Триста лет назад, *chica*, такие, как он, не выживали без следа. Тогда их жгли, топили, ловили — а они отбивались, и оставались хроники. Хроники, *chica*, у меня есть. Не все, но кое-что. Я знаю, кто и где жил в Европе с шестнадцатого века. У этого — пусто. Имя и семья есть, имение в Австрии... А следов нет.

— Он чистый.

— Слишком чистый. Это не невинность. Это работа.

— Чья работа?

— Его собственная. Триста лет он подчищал за собой.

Я смотрю на снимок ещё раз. Мужчина за столиком. Он не позирует — он просто *есть*. И смотрит так, будто заранее извинялся за то, что мы ещё не встретились.

— Где он сейчас? — спрашиваю.

— Майами. Уже лет пятьдесят. До этого — Новый Орлеан. До этого — Европа, разные города.

— Чем занимается?

— Галерея в Уинвуде. Бутик-отели. Виноделие в Аргентине. Деньги — старые.

— Идеальное прикрытие.

— *Sí*. Слишком идеальное.

Я отодвигаю тарелку. Допиваю кофе одним глотком.

— Зачем ты мне его показываешь, если не зовёшь на охоту?

Эстебан долго смотрит на меня. Потом тянется через стол и берёт меня за здоровую руку. Его ладонь сухая, тёплая, тяжёлая.

— Затем, *chica*, что в четверг вечером в Майами на залив встанет яхта. Называется *Madeleine*. Частная вечеринка. Закрытый круг. Богатые иностранцы, тёмные стёкла. Туда официально не пускают никого. А неофициально — пускают всех, кого они хотят видеть.

— И что?

— У меня есть человек, который сегодня в три часа дня посмотрел список гостей. В списке три имени, которых не должно там быть. Одно из них — фон Шёнберг.

— А второе и третье?

Он медлит.

— Второе — Артуро Лисандро. Это плохой человек, *chica*. Очень плохой. Если у тебя нет с собой Бога или серебра — туда не ходи.

— Третье?

— Третье — Соболева Кира Александровна.

Я смеюсь. Коротко, неприятно.

— Очень мило с их стороны.

— *Chica*, это не приглашение.

— А что?

— Это заявка. Они тебя туда ждут. И они знают, что ты придёшь, потому что не прийти ты не сможешь — после того, как они сделали такой недвусмысленный намёк.

Я молчу. Потом киваю.

Он прав. Не прийти — значит признать, что они меня прочитали. Что я предсказуема. Что я боюсь. Они хотят, чтобы я пришла — и я приду. Но я приду по-своему.

— Эстебан, — говорю я. — Достань мне приглашение.

— У тебя оно будет. Сегодня. Можешь возвращаться домой и ждать.

— Откуда ты знаешь, что будет?

Он улыбается одной щекой.

— Потому что они так не делают. Они сначала намёкают, потом приглашают. Это их манера. Старая. Они любят, чтобы жертва шла своими ногами.

— Я не жертва.

— *Chica*, — говорит он мягко, — в этой истории все думают, что они не жертвы.

Я встаю.

— Спасибо за завтрак.

— Кирочка.

— М?

— Возьми с собой что-нибудь покрепче. Не шпильку. Не штифт. Что-нибудь, после чего древний не встанет.

Я киваю.

— Катана?

— Катана.

Я иду к двери. Уже на пороге оборачиваюсь.

— Эстебан, а ты откуда столько знаешь про древних?

Он сидит за столом, катает сигару между пальцами и не смотрит на меня.

— Кирочка, — говорит он медленно, — у меня в Гаване в семьдесят девятом году был очень странный пациент в морге. Он встал со стола.

Он поднимает на меня глаза.

— И с тех пор я многое читаю.

Я закрываю за собой дверь.

В машине, по дороге обратно в Coconut Grove, я держу руль одной рукой. Вторая болит. Радио продолжает бубнить новости. Гроза действительно собирается — небо над заливом темнеет, влажность давит на виски.

К дому я подъезжаю в одиннадцать.

Почтовый ящик у меня — общий на подъезд. Я открываю свою ячейку, не глядя. Обычно там реклама пиццы, листовки от риелторов, иногда — счёт за свет.

Сегодня — конверт.

Чёрный. Плотная бумага, как для свадебных приглашений. Без марок. Без обратного адреса. На лицевой стороне — золотое тиснение:

Соболева К. А.

Без отчества — слишком фамильярно для официального

документа. Без имени — слишком фамильярно для незнакомого. Кто-то знает обо мне ровно столько, сколько нужно для приличий, и ни буквой больше.

Я вытаскиваю конверт двумя пальцами.

В квартире кладу его на кухонный стол. Не открываю. Сначала наливаю себе воды, сажусь, смотрю на конверт минуту. Потом аккуратно, ногтем, поддеваю клапан.

Внутри — карточка. Та же чёрная бумага, золотое тиснение, шрифт антиква.

*Имею честь пригласить вас
на закрытый приём на борту яхты Madeleine.*

Marina Bay, причал 7.

Пятница, 22:00. Дресс-код: чёрный.

Без сопровождения.

В нижнем правом углу — узкая монограмма. Две переплетённые буквы, готическим шрифтом: A. v. S.

Adrian von Schönberg.

Я кладу карточку на стол и сижу долго. Очень долго. Кисть болит. Вентилятор тихо поскрипывает с завидной регулярностью. За окном начинает накрапывать.

— *Bueno*, — говорю я карточке вслух. — *Bueno*, фон Шёнберг.

Я встаю и иду в спальню.

В нижнем ящике шкафа, под стопкой свитеров, которые я никогда не ношу — потому что в Майами свитера не нужны, — лежит длинный плоский футляр чёрного дерева. Я не

открывала его три месяца.

Открываю.

Внутри, на красном бархате, — катана. Лезвие в ножнах, рукоять обмотана чёрным шёлком, на гарде — едва заметная гравировка: иероглиф #. «Демон». Это шутка отца, который никогда мне её не объяснил.

Серебряная пропитка вдоль режущей кромки тускло отблёскивает.

Я провожу пальцем по плоской стороне клинка.

— Соскучилась? — спрашиваю.

Катана не отвечает. Но я чувствую, что да.

За окном — гром. Первый раскат, далёкий, над океаном.

Гроза идёт.

До пятницы — три дня.

Глава 3. Madeleine

Marina Bay в пятницу вечером — это место, где деньги делают вид, что они не деньги.

Я иду по причалу в чёрном платье до середины бедра, без бретелей, на узком корсете. Сзади — открытая спина, до поясницы. В волосах — шпилька, та самая, отмытая после Алекса-не-Алекса. На правом бедре, под платьем, — ножны с узким клинком. Левое бедро пустое — слишком явно, кто-то ищет рукой и не находит, и я ему улыбаюсь.

Каблуки стучат по тиковому настилу. Высокие, девять сантиметров. Я в них ходить умею. На охоте не надевала ни разу — каблуки и пепел плохо сочетаются.

Океан с обеих сторон — чёрный, маслянистый, дышит. Запах соли, мазута, дорогих духов. У дальнего конца причала, под прожекторами, стоит яхта.

Madeleine написана курсивом на корме, золотом по белому. Сорок метров, может, чуть больше. Три палубы. Иллюминаторы тонированные, верхняя палуба открыта — там играет музыка, тихая, что-то струнное. У трапа двое в чёрных костюмах. Не в смокингах — в костюмах. Это не охрана для виду. Это рабочие.

Я подхожу. Один поднимает на меня глаза. Глаза тёмные, ровные, спокойные. Слишком спокойные — у людей в эти часы зрачки бегают.

— Соболева, — говорю я.

Он не сверяет со списком. Он просто кивает.

— Прошу.

Второй отступает с трапа.

Я иду по трапу. Подошвы каблучков скользят, я держусь за тонкий канат-перила. Внизу — вода. Чёрная, плещется о корпус, отражает огни.

На палубе меня встречает девушка в белом платье с подносом. На подносе — бокалы. Шампанское, красное вино, что-то тёмное в коротких стаканах. Я беру шампанское. Не потому что собираюсь пить — потому что женщина в платье без бокала бросается в глаза, а я не люблю бросаться.

— Welcome, — говорит девушка по-английски.

Я улыбаюсь ей. Она улыбается мне в ответ. Её улыбка не доходит до глаз. Кожа у неё чуть бледнее, чем должна быть в Майами в июле. Я делаю мысленную пометку и иду дальше.

Главный салон — длинный, низкий, тиковые стены, белая кожа диванов, на стене — старая морская карта в раме. Народу немного, человек тридцать. Никто не танцует. Все стоят группами по двое-трое, говорят тихо, держат бокалы. Никто не смеётся громко. В Майами на частных вечеринках обычно орут — здесь нет.

Это не вечеринка. Это собрание.

Я иду через салон медленно, как женщина, которая впервые в таком месте и выпитывает. Кошусь по сторонам.

У камина — мужчина лет шестидесяти и женщина рядом

с ним, на вид сорока. Он что-то говорит ей на ухо, она смеётся коротко. Кожа у обоих — фарфор.

У дальней стены — двое мужчин в смокингах, латиноамериканцы, разговаривают на испанском, слишком тихо для бара, слишком громко для секрета.

В центре, на белом диване, сидит одна, нога на ногу — высокая женщина в красном. Тёмные волосы, креольские черты. Смотрит прямо на меня. Поднимает бокал в мою сторону, чуть наклоняет голову, отпивает.

Я киваю в ответ. Без улыбки. Не знаю, кто она. Но она знает меня.

Прохожу мимо. Чувствую её взгляд между лопаток до самой двери на корму.

На корме — открытая палуба. Здесь тише. Музыка струнных доносится сверху, с третьей палубы, размывается над водой. У борта стоят несколько человек, смотрят на огни Майами. С этого ракурса — даунтаун видно весь, от Брикелла до Уинвуда, светящаяся гребёнка небоскрёбов и тонкая полоса огней над заливом.

Цель я узнаю мгновенно.

Высокий, в светлом льняном костюме — таком светлом, что в полумраке кормы он почти светится. Тёмная рубашка под пиджаком, без галстука. Стоит у борта, спиной ко мне, одна рука в кармане, другая держит бокал. Не двигается. Смотрит на огни.

Тот самый. С фотографии Эстебана.

Я подхожу медленно. Кладу свой бокал на низкий столик у двери — пустые руки нужнее, чем шампанское. Иду к борту. Каблуки на тиковой палубе цокают тише, чем в салоне.

В трёх шагах за его спиной я останавливаюсь.

Я ничего не делаю. Не кашляю и не двигаюсь, даже к шпильке не тянусь. Стою и смотрю ему в затылок.

Я хочу проверить.

Если он молодой — обернётся через секунду. Услышит дыхание, ткань платья, каблуки. Средний — продержится минуту, сделает вид, что не заметил, потом всё равно повернётся. Ну а древний — повернётся ровно тогда, когда решит сам.

Он стоит к воде ещё долго.

Потом, не оборачиваясь, говорит:

— Я ждал вас час назад, миз Соболева.

Голос ровный. Лёгкий акцент — не американский, не славянский. Что-то старое, европейское, выветренное столетиями.

Я остаюсь на месте. Не вздрагиваю и сразу не отвечаю. Если он решил начать разговор спиной — пусть и закончит так.

Он поворачивается.

Молодое лицо. Двадцать пять, тридцать максимум — внешне. Тёмные волосы, чуть длиннее, чем носят сейчас. Светлые глаза — в полумраке не разобрать, серые или светло-карие. Бледный — но загорелый ровно настолько, чтобы

не выделяться среди гостей с Палм-Бич. Маскировка.

И вот в чём фокус: он не улыбается. Он не пытается понравиться. Но он смотрит так, как смотрит человек, проверяющий чек в ресторане — спокойно, цепко, без иллюзий.

— Час назад вечеринка ещё не началась, — говорю я.

— Она началась тогда, когда я этого захотел. Это моя яхта.

Я отвечаю не сразу.

Я смотрю на него ещё секунду. Потом отвожу взгляд, поворачиваюсь к борту, кладу ладони на тиковые перила. Океан внизу — чёрный, гладкий. Над водой — лёгкий пар, влажность.

— Красивый вид.

— Я его покупал именно из-за этого.

— Вид?

— Майами с воды. С земли он наглый. С воды — извиняется за себя.

Я улыбаюсь, не оборачиваясь к нему. Это была хорошая фраза. Я не хочу, чтобы он видел, что я её оценила.

— Адриан фон Шёнберг, — говорит он.

— Я знаю.

— Вы хорошо подготовились.

— Я всегда хорошо готовлюсь к работе.

— Это не работа, миз Соболева.

— А что?

Он подходит к перилам. Встаёт рядом — в полтора метрах, не ближе. Кладёт бокал на тик.

— Ужин.

Я наконец поворачиваюсь к нему. Лицо у него очень неподвижное. Не маска — скорее экономия движений. Он не тратит мимику впустую.

— Я не ужинаю с теми, на кого охочусь.

— Я тоже не ужинаю с теми, на кого охочусь. Я их пью.

Пауза.

И тут он улыбается — едва, одной стороной рта. Это не флирт. Это вызов с примесью самоиронии — старой, выгоревшей до серого.

Я понимаю, что улыбаюсь в ответ. Останавливаю себя на половине.

— У вас интересное чувство юмора, — говорю.

— У меня было триста лет, чтобы его отшлифовать. Хотите шампанского?

— Я уже отказалась.

— Я заметил. Бокал вы оставили на столике, не отпив. Хорошая привычка. Молодые этого не замечают — ваших коллег легко травить.

Я молчу.

Молодые. Коллег. Он знает не только моё имя. Он знает мою работу, мои методы, мой круг.

— Откуда вы меня знаете? — спрашиваю.

— У вас длинный послужной список, миз Соболева. Сорок семь.

— Что — сорок семь?

— Сорок семь молодых за пять лет. Двое средних. Один — на границе. С древними вы пока не работали. До сегодняшней пятницы.

Я считаю про себя. Сорок семь — это его данные. Мои — сорок девять. Он не знает про двоих в Тампе в прошлом году, я их закрывала вне города и не оставляла следов. Это хорошая новость: его источник не идеален.

Я ничего не говорю. Кладу руку на бедро — так, чтобы он видел жест. Если он умеет читать тело, он поймёт, что под платьем — клинок. Если умеет — пусть знает.

Он смотрит на мою руку. Потом — мне в глаза.

— Узкий, серебряный, шесть дюймов, — говорит он спокойно. — Гарда — самодельная, обмотана чёрной нитью. В сумочке — два осиновых штифта, я их слышу. Шпилька в волосах — серебро, тонкая работа, не массовая. Серьги тоже серебряные, но маленькие — это маскировка. На щиколотке цепочка — её я не вижу, но предполагаю.

Я не двигаюсь.

— У вас хороший слух, — говорю я.

— У меня хорошие триста лет.

— И вы со мной откровенны.

— Я с вами вежлив. Это разное.

Я делаю один шаг к нему. Один. Каблук ставится точно, бесшумно. Шпилька в волосах — на расстоянии вытянутой руки. Если он рванётся — у меня доля секунды.

Он не рвётся.

— Зачем я здесь? — спрашиваю.

Он смотрит на меня очень внимательно. И в этом взгляде я впервые улавливаю что-то, кроме холода его глаз. Что-то усталое. Что-то почти заинтересованное.

— Я тоже охочусь, миз Соболева.

— На кого?

— На таких, как я.

Тишина.

Где-то наверху, на третьей палубе, скрипка переходит на другую мелодию. Под нами вода стучит о борт.

— Это или ловушка, — говорю я, — или вы сумасшедший.

— И то и другое возможно. Я бы не стал выбирать заранее.

Я делаю ещё шаг назад. Расстояние между нами — полтора метра, как было. Достаточное.

— Назовите имена, — говорю.

— Сейчас?

— Сейчас.

Он смотрит мне через плечо — в сторону салона. Я понимаю: там среди гостей есть его цели. Он привёл меня на эту вечеринку, чтобы я их *увидела*.

— Дама в красном на белом диване, — говорит он тихо.

— Соланж Бошан. Не цель. Союзница, если всё сложится.

— А цель?

— Двое латиноамериканцев у дальней стены. Один из них

— Артуро Лисандро.

Я не показываю лицом. Но у меня внутри что-то сжимается. Это имя Эстебан произнёс позавчера на кухне. *Очень плохой человек. Если у тебя нет с собой Бога или серебра — туда не ходи.*

— А второй?

— Его телохранитель. Молодой, лет шестидесяти. Опасный.

— А вы тогда зачем?

Адриан поднимает свой бокал с тика, делает короткий глоток. Я смотрю — это не вино. Это кровь *цветавина*. На свете — слишком тёмное, слишком густое. Кровь, охлаждённая, в дорогой стеклянной посуде.

Он замечает мой взгляд.

— Донорская, — говорит. — Лицензированная. Я не пью с улицы уже сто пятьдесят лет.

— Поздравляю.

— Я не прошу поздравлений. Я прошу понимания.

Я молчу. Потом, очень тихо:

— Если вы охотитесь на своих — почему сами не убили Лисандро?

— Потому что мне нужен свидетель.

— Зачем?

— Чтобы остальные знали, что это не я.

Я смотрю на него долго. В глазах — это та же усталость. Не маска и не игра. Что-то, чему я не успеваю придумать имя.

— И вы хотите, чтобы я ему помогла умереть, — говорю

я. — Сегодня. Здесь.

— Не сегодня. Сегодня — знакомство.

— И каков следующий шаг?

— Следующий шаг — вы поедете со мной на Star Island.

Или не поедете. Если не поедете, я пойму. Если поедете, — он чуть наклоняет голову, — я обещаю, что вы вернётесь живой.

— Обещание древнего.

— Старое. Дорого стоит.

Я смотрю мимо него — на огни Майами. Брикелл светится золотом, даунтаун — белым, небо над городом — оранжевое от засветки. Где-то там, в одной из светящихся точек, — Эстебан в своих качалках на патио, и он пьёт кофе и листает старые записи на испанском. Где-то там — моя квартира в Coconut Grove с базиликом, который я забыла полить, моя машина, моя катана в футляре чёрного дерева, моё одиночество, моя работа.

И вот я стою на яхте, рядом с трёхсотлетним вампиром, который только что сделал мне предложение, от которого я не знаю, как отказаться.

— У меня одно условие, — говорю.

— Слушаю.

— Я не сажусь к вам в машину. Я еду за вами на своей.

— Принято.

— И я никуда не еду без оружия.

— Я бы вас не уважал, если бы вы предложили иначе.

— И последнее.

— Да?

Я делаю один шаг к нему. Близко. Совсем близко. Поднимаю руку и достаю шпильку из волос — медленно, чтобы он видел. Серебро тускло отблёскивает между нами. Он не двигается, но я замечаю — крошечное движение зрачков, как будто он привычно отслеживает расстояние от металла до своей кожи.

Я подношу шпильку к его груди. Не касаюсь. Останавливаюсь в сантиметре от ткани рубашки.

— Если вы солгали хоть в одном слове, — говорю я тихо, — я найду вас днём. В постели. И вы не успеете дойти до окна со шторами.

Он смотрит мне в глаза. Долго. Потом улыбается — тонко, почти невидимо.

— Запомню, — говорит. — Это лучшее обещание, которое мне делали за пятьдесят лет.

Я опускаю шпильку. Возвращаю её в волосы. Поворачиваюсь и иду к двери в салон.

В салоне меня провожает взглядом женщина в красном — Соланж. Поднимает бокал ещё раз. Я не отвечаю.

У трапа двое в чёрных костюмах кивают мне. Один говорит:

— Машина господина фон Шёнберга подойдёт через пять минут к выходу из марины. Вы хотите, чтобы вас сопровождали?

— Нет.

— Как вам угодно.

Я иду по причалу обратно к парковке. Каблуки стучат громче, чем когда я шла туда. На полпути оборачиваюсь.

На корме яхты — силуэт в светлом костюме. Адриан стоит у борта и смотрит мне вслед. Не машет и не кивает. Просто стоит.

Я отворачиваюсь и иду дальше.

Моя «Хонда» — на дальнем краю парковки, между «Бентли» и «Ферарри». Серая, пыльная, с вмятиной на заднем крыле от прошлогоднего парковщика. Я открываю дверь, сажусь, кладу клатч на пассажирское сиденье.

И только сейчас замечаю.

На лобовом стекле, под дворником, — белая карточка. Не та, что в почтовом ящике. Эта простая, без тиснения. Сложенная пополам.

Я выхожу, забираю её. Возвращаюсь и разворачиваю карточку.

Внутри — три строки. От руки. Тонким, почти каллиграфическим почерком.

He Star Island.

He сегодня.

Лисандро уже знает, что вы здесь.

Подписи нет.

Я поднимаю глаза на яхту. С этой стороны парковки её видно — белый корпус, золотое название, силуэт в светлом

костюме на корме. Адриан всё ещё там.

Он не выходил с яхты. Он не оставлял эту карточку.

Кто-то другой.

Я смотрю на причал — там пусто. На парковку — пусто, только машины спят под прожекторами. Дальше, за оградой марины, — пальмы и улица, по которой проезжает редкое такси.

И впервые за этот вечер мне становится по-настоящему интересно, кто из них сегодня охотится на меня.

Глава 4. Аристократ

Мост на Star Island охраняется лучше, чем половина консульств в Майами.

Будка у въезда, шлагбаум, камера. Охранник в форме выходит мне навстречу с папкой в руках. Молодой, плечистый, кубинец — настоящий, живой, с нормальным загаром и потом на висках. На бейдже — «O. RAMÍREZ».

— Имя?

— Соболева.

Он смотрит в планшет. Кивает.

— Вас ждут. Шестой дом по правой стороне, белые ворота. Пятнадцать миль в час, *señorita*, не больше. У нас тут камеры на каждом столбе.

— Поняла.

Шлагбаум поднимается. Я въезжаю.

Star Island — это полоса земли в Бискейн-бэй, где пятьдесят домов стоят на дистанции, как аристократы в очереди. Газоны политы до зелени, какой в Майами в августе быть не может, если ты сэкономишь на воде. Пальмы тут не растут — пальмы тут поставлены.

Я еду медленно. Серая «Хонда» среди «Бентли» и «Феррари» — как чайка на свадебном торте.

О карточке под дворником я думала всю обратную дорогу с марины. Почерк тонкий, каллиграфический, не дрожащий.

Не Эстебан — у него рука уже не та. Не Адриан — он бы не подписал формулировкой «He Star Island». Кто-то третий. Кто-то, кто знает, что я собираюсь сегодня туда ехать.

И вот я еду туда вопреки. Не потому что мне нужен Адриан. А потому что если меня хочет остановить кто-то невидимый — значит, важнее всего показать, что я не останавливаюсь.

Это плохая логика. Но другой у меня сегодня нет.

Шестой дом — последний по правой стороне. Белые кованые ворота, за ними — гравийная дорога, уходящая под арку из старых дубов. Дубы тут расти не должны. Но они растут — кто-то их сюда привёз и приучил, как приучают аристократов к новой стране.

Ворота открываются раньше, чем я успеваю опустить стекло.

За воротами — особняк. Не современный. Камень — серовато-жёлтый, выгоревший на солнце, с тенями старой европейской резьбы по карнизам. Высокие окна с переплётами. Черепичная крыша. Над входом — каменный герб, который я не успеваю рассмотреть. Дом смотрится так, будто его действительно привезли по камню — из Зальцбурга, или Граца, или откуда они там его выкопали в семидесятых.

Я паркуюсь у фонтана. Фонтан тоже привозной — мраморный, с пухлым ангелом, который смотрит на струю воды с лёгким разочарованием. Чувак, я тебя понимаю.

Выхожу. Катана за спиной, чехол ремнём через плечо.

Иду по гравиию ко входу.

Тяжёлая дверь открывается изнутри — сама, без моей руки. За дверью — холл.

И я понимаю, что не готова.

Высокий потолок уходит в полумрак, в сводах — едва различимая роспись, что-то старое, не разобрать. Мраморный пол — чёрно-белый, шахматка. Двойная лестница уходит наверх широкими ступенями. У подножия — мраморная статуя женщины со склонённой головой, лицо я не вижу — оно повернуто к стене.

Воздух пахнет старой бумагой, воском и чем-то ещё — холодным, металлическим, но не кровью. Я бы узнала кровь.

Адриан стоит в дальнем конце холла.

В тёмной рубашке без пиджака, чёрные брюки, босиком. Это меня сбивает больше всего — босиком. Древний, триста лет, особняк за десять миллионов — и он встречает меня босиком на холодном мраморе.

— Вы пришли, — говорит он.

Голос не удивлённый. Констатирующий.

— Я обещала.

Он идёт мне навстречу. Шаги по мрамору — почти беззвучные, ткань брюк не шуршит.

— Катана, — замечает он, когда подходит ближе. — Это новое.

— Это старое.

— Я в смысле — на вас.

— Я знаю, в каком смысле.

Он останавливается в двух шагах. Смотрит на меня сверху

— он на полголовы выше, чем я думала на яхте. Или это из-за того, что на яхте я была на каблуках.

— Можно вопрос? — говорит он.

— Один.

— Почему вы её взяли?

— Потому что мне на парковке оставили записку, что Лисандро уже знает о моём приходе сюда. И что мне лучше не ехать. Я решила — раз кому-то надо, чтобы я не ехала, значит надо ехать обязательно.

Адриан молчит секунду. Только секунду — но это его первая пауза за вечер, не отрепетированная.

— Покажите.

Я достаю карточку из заднего кармана. Протягиваю. Он берёт её двумя пальцами — осторожно, как берут археологическую находку. Подносит к лицу. Не нюхает, но что-то делает — я не могу понять, что именно. Может, слушает.

— Это не Лисандро, — говорит он наконец.

— Откуда вы знаете?

— Лисандро не пишет от руки. Лисандро вообще ничего не делает руками. У него есть люди.

— Тогда кто?

Он смотрит на карточку ещё раз. Потом возвращает мне.

— У меня есть предположение. Но я бы не торопился его озвучивать. Пройдёмте.

— Куда?

— Я обещал вам разговор. Разговор — в библиотеке. Виски, бургундское, кровь — на ваш выбор.

— Воду.

— Скучно. Но как угодно.

Он поворачивается и идёт по коридору вглубь дома. Я иду за ним. Катана на спине лежит тяжело и уютно, как чужая рука на плече.

Библиотека на втором этаже. Двойная высота, две стены — полностью в книгах, от пола до потолка. Лестница на колёсиках, как в старых фильмах. У окна — два кресла глубокой кожи. Между ними — низкий столик с шахматной доской. Партия начата и брошена.

Над камином — картина. Маленькая, потемневшая. Женщина в чёрном платье, в три четверти, на тёмном фоне. Я её разглядываю краем глаза.

— Это не Вермеер, — говорю.

— Нет. Хальс. Поздняя, не из самых известных.

— У вас давно?

— С двадцать первого года. Тысяча девятьсот двадцать первого.

— А.

Я сажусь в кресло. Кожа холодная и мягкая. Катану кладу рядом, на пол, рукояткой в свою сторону. Если что — рука дойдёт за полсекунды.

Адриан садится напротив. Подбирает под себя одну ногу

— босую — и от этой позы он становится чуть моложе. Чуть человечнее. Чуть опаснее, по правде говоря, — потому что я тоже расслабляюсь от его расслабленности, а это и есть его трюк.

— Воду, — говорит он, и я не понимаю, откуда она появляется.

В дверях стоит женщина в белом фартуке. Латиноамериканка, лет шестидесяти, с прямой спиной и спокойным лицом. Ставит передо мной стакан с водой и долькой лимона. Перед Адрианом — низкий бокал с тёмно-красным.

— Спасибо, Мария, — говорит он.

Женщина кивает и уходит. Глаза у неё нормальные, человеческие. Загар — настоящий. Я отслеживаю. Это не его. Это работница.

— Она знает? — спрашиваю, когда дверь закрывается.

— Знает.

— И работает здесь.

— Уже двадцать два года. Её сын учился в Гарварде на мои деньги. Сейчас он анестезиолог в Бостоне.

— А она почему не уехала?

— Потому что любит этот дом. И потому что древние не задерживают зарплату.

Я фыркаю — против воли. Беру стакан.

— Это, — говорю, — звучит почти убедительно.

Я делаю глоток воды. Холодная, дорогая, с лёгкой минеральной горчинкой. Не наша Aquafina. Что-то французское.

Адриан смотрит на меня. Не пьёт из своего бокала. Просто держит его в руке.

— Миз Соболева, — говорит он.

— Кира.

Я сама удивляюсь, как это вырвалось. Поправлять поздно.

— Кира, — повторяет он, и в его произношении имя звучит чуть длиннее, чем должно. Кир-а. Как у бабушки моей бабушки. — Спасибо, что приехали.

— Не благодарите. Я приехала, чтобы убедиться.

— В чём?

— Что вы не врёте.

Он откидывается в кресле. Бокал ставит на столик у шахмат. Смотрит на меня поверх рук, сложенных у подбородка.

— И как мне это доказать?

— Никак. Я сама пойму.

— Тогда задавайте свой вопрос.

Я думаю секунду. У меня было время подготовить список — но я не хочу его выкладывать в порядке. Это не допрос. Это разговор.

— Лисандро. Что вы знаете.

— Артуро Лисандро. Девяносто пять лет. Обращён в тридцать третьем в Гаване. Содержит закрытый клуб «La Sangre Negra» в Литтл-Гаване. Туда привозят девушек — официально как танцовщиц, неофициально...

Он на секунду останавливается. Подбирает слова.

— Неофициально, — продолжает, — клуб занимается

грязным бизнесом. Я не буду уточнять каким. Достаточно того, что родственники этих девушек ни одну из них больше не видят.

— Сколько?

— За последние два года — двадцать три. Это только те, о которых я узнал.

— А вы как узнали?

— Один из моей линии попал туда клиентом. Он сорвался — убил человека в публичном месте. По нашим правилам это смертный приговор. Я исполнил сам, как обязан был. Перед смертью он рассказал то, чего я не хотел знать.

Я отпиваю воды. Холодно становится не от стакана.

— И зачем вам он? — спрашиваю. — Лично вам. Не для абстрактной справедливости — для чего лично.

Адриан смотрит на меня долго.

— Это второй вопрос, — говорит он. — Я предлагал один.

— Я передумала. Это первый.

— Хитро.

— Так зачем?

Он берёт свой бокал. Делает глоток. Я смотрю — глотает медленно, без жадности. Алкоголик бы пил быстрее. Голодный — тоже. Этот пьёт ради вкуса. Или ради вида.

— Когда-то, — говорит он, — у нас был кодекс. Не для морали — для выживания. Не охотиться там, где живёшь. Не оставлять следов. Не делать из крови — спектакля. Это были не заповеди. Это была гигиена.

— И?

— Лисандро и такие, как он, гигиену забыли. Превратили нашу природу в моду. В клубный аттракцион. В социальную сеть для скучающих богатых. Подобное поведение привлекает охотников вроде вас, полицию, камеры. Через десять лет — если не прекратить — нас будут показывать в новостях между погодой и спортом.

— И вы боитесь.

— Я не боюсь. Я устал.

Он ставит бокал обратно. Смотрит на огонь, которого нет в камине — там лежат только белые поленья, декоративные.

— Я живу триста лет, — говорит он. — Из них семьдесят — в Майами. Я люблю этот город. Я не хочу, чтобы Майами однажды утром проснулся и устроил охоту на нас. Я знаю, как это бывает. Я видел это в восемьдесят шестом в Восточной Европе.

— В восемьдесят шестом?

— Это не для сегодняшнего разговора.

— Хорошо.

Тишина. Где-то в доме тикают старые часы — отчётливо, гулко. На втором этаже, видимо, дедушкины.

— Вопрос второй, — говорю я. — Зачем вам я?

— Потому что мне нужен живой свидетель смерти Лисандро. Древний, убивший младшего, — это войны, расследования, очень много шума. Охотник, убивший младшего, — это новостная сводка в местной газете и закрытие дела

за неделю. Если Лисандро умрёт от вашей руки — никто из моих не сможет начать вендетту. Это будет ваша работа, не моя.

— Очень удобно.

— Очень.

— А если меня убьют?

— Это вторая причина, по которой мне нужны вы, а не другой охотник.

— То есть?

Он смотрит мне в глаза. В его взгляде впервые что-то меняется. Не насмешка. Не вежливость. Что-то, для чего у меня пока нет слова.

— Потому что вы можете не дать себя убить, — говорит он. — За пять лет у меня было четверо кандидатов. Все умерли. Вы — пятая. И вы — единственная, на кого я делаю ставку.

— Я слышу комплимент?

— Вы слышите расчёт.

— Скучный вы.

— Триста лет, Кира.

Я смеюсь — коротко, против воли.

И что-то в комнате сдвигается. Совсем чуть-чуть. Воздух между нами — чуть теплее, чем минуту назад. Кресло — немного удобнее. Катана у моих ног — самую малость дальше, чем была.

Он это тоже замечает. И отводит взгляд первым.

— Третий вопрос, — говорит он.

— А я ещё одного хочу?

— Хотите.

Я молчу. Он прав, чёрт его возьми.

— У вас, — говорю медленно, — на запястье браслет. Узкий. Под ним что-то есть. Я заметила на яхте, но не успела рассмотреть.

Он смотрит на свою левую руку. На запястье — действительно тонкий тёмный браслет, что-то вроде кожаного ремешка с серебряной застёжкой. Не часы. Просто полоска. Под ней — край чего-то светлого. Шрама.

— Это, — говорит он, — не третий вопрос. Это четвёртый. И ответ на него — нет.

— Нет?

— Не сегодня. Может быть, в другой жизни.

— Других жизней не бывает.

— У меня бывает. У вас пока — одна. Берегите.

Я смотрю на него. И во второй раз за вечер делаю то, чего не планировала.

Я наклоняюсь вперёд. Беру со столика свой стакан. Делаю глоток. Не отрываю от него взгляда.

— Адриан, — говорю я.

— Да.

— Если я соглашусь на Лисандро — я согласна работать с вами. Не на вас. С вами.

— Понимаю разницу.

— И мои правила.

— Слушаю.

— Я не убиваю невинных. Даже если они — ваши.

— Принято.

— Я не обещаю вам ничего сверх каждой конкретной охоты. После Лисандро мы свободны друг от друга.

— Принято.

— Я не работаю днём.

— Я тоже.

Я едва не улыбаюсь. Сдерживаюсь.

— И, — говорю я, — если я хоть раз пойму, что вы солгали — я разверну катану в обратную сторону. Не для вас. Для всех ваших. Я пройду по этому острову, как лесной пожар.

Он молчит. Потом медленно кивает.

— Я буду иметь в виду, — говорит он. — Хотя предупреждаю: на Star Island у нескольких соседей хорошие отношения с моим домом. Им может не понравиться.

— Это будут их проблемы.

— Кира.

— М?

— Вы мне нравитесь.

Я ставлю стакан.

Поднимаю руку — спокойно, без резкости. Достая из-за спины из кобуры на ремне маленький пистолет, девятый калибр, обоймы две, обе с серебряными пулями. И направляю ему в грудь.

Не вскакиваю. Не угрожаю. Просто держу.

— Хорошо, что нравлюсь, — говорю я. — Но если я ещё раз услышу от вас комплимент в этом тоне — я буду думать, что вы пытаетесь меня очаровать. А мне в этой схеме очарование не нужно.

Адриан смотрит на дуло. Потом — на меня. И впервые за весь вечер он смеётся. Тихо, низко. Не наигранно.

— Кира, — говорит он, — мне почти четыреста лет. Точнее — около трёхсот восьмидесяти. Я знаю триста двадцать способов очаровать женщину. Если бы я их применял — вы бы уже не помнили, кто такой Лисандро.

— А вы не применяете?

— Я вас уважаю.

Я держу пистолет ещё секунду. Потом опускаю. Возвращаю в кобуру. Беру стакан с водой.

— Хорошо, — говорю. — Лисандро. Когда.

— Через шесть дней. В среду. У него будет частный приём в клубе. Я добуду нам приглашения.

— Я приду со своими штифтами.

— Я приду со своим клинком.

— У вас клинок?

— У меня всё, что было модно в последние шестьсот лет. Я медленно избавляюсь от лишнего.

Я выдыхаю. Допиваю воду. Встаю.

— Я поеду.

— Я провожу вас.

— Не надо.

— Кира.

Я уже у двери. Обращиваюсь.

— Карточка под дворником, — говорит он. — Я знаю, кто её оставил. И я не уверен, что вам стоит ехать домой одной.

— Кто?

Он медлит.

— У меня есть человек, который иногда работает не на меня. И иногда оставляет мне сообщения через тех, к кому я равнодушен.

Пауза.

— Я перезвоню вам через час, — говорит он. — Если я не перезвоню — это значит, что я ошибся, и тогда вам нечего бояться. Если я перезвоню — это значит, что я прав, и вам не нужно ночевать в Coconut Grove.

Я открываю рот, чтобы что-то ответить.

И в этот момент где-то очень далеко, в глубине дома, на втором этаже, что-то падает.

Не громко. Не страшно. Просто — мягкий стук. Книга. Или тело.

Адриан слышит это раньше меня. Я вижу, как у него меняется лицо — на полсекунды, на четверть. Кожа становится бледнее. Уголки рта — твёрже. Глаза — пустыми.

— Не выходите из библиотеки, — говорит он тихо. — Закройте дверь. Под столиком в углу — кнопка. Нажмёте — приедет полиция через четыре минуты.

— Адриан...

— Кира. Пожалуйста.

И его уже нет в комнате.

Дверь закрывается за ним без звука.

Я стою посреди библиотеки одна, в кобуре справа — серебряные пули, на полу у кресла — катана. Где-то наверху в этом доме сейчас происходит что-то, ради чего трёхсотлетний вампир встал из кресла так быстро, что я не успела увидеть, как он встал.

Я поднимаю катану.

К чёрту библиотеку. К чёрту кнопку под столиком.

Я иду к двери.

Глава 5. Чужой почерк

Я выхожу из библиотеки с катаной в руке.

Лезвие — в ножнах. Левая ладонь на рукояти, правая — у бедра. Так я хожу по чужому дому в первый раз: с оружием не наголо, но готовая обнажить.

В коридоре пусто. Тиковые стены, картины в тяжёлых рамах — пейзажи, портреты, я не вглядываюсь. Где-то впереди — мраморная лестница. Слышу собственное дыхание и ничего больше. Ни шагов Адриана, ни голосов. Дом сожрал его звук.

На лестнице я снимаю обувь.

Кеды оставляю на нижней ступеньке — носком к стене, чтобы не споткнуться о них на обратном пути. Мрамор под босыми подошвами холодный, чуть скользкий. Я иду по краю ступеней, у самой стены — там меньше скрипа от подложки.

Площадка второго этажа разделяет коридор на две стороны. Слева — закрытые двери. Справа — длинный проход с высокими окнами на залив. Окна занавешены тяжёлыми тёмными портьерами. В конце прохода — приоткрытая дверь, из щели падает узкая полоса света.

Туда.

Иду по правой стороне, по ковровой дорожке. Дорожка глушит шаги.

В трёх метрах от приоткрытой двери прижимаюсь к стене. Достая катану из ножен — медленно, без щелчка, без свиста. Лезвие выходит беззвучно, как и должно у хорошего клинка. Серебряная полоса вдоль режущей кромки чуть отблёскивает в свете из щели.

Дыхание выровнено. Сердце — тоже. У меня ушло несколько лет, чтобы научиться этому.

Подхожу к двери. Носком ноги толкаю.

Дверь открывается без скрипа.

Комната — небольшая, гостевая, видимо. Кровать с балдахинном, у окна — кресло, на полу — тёмно-красный ковёр. Лампа на тумбочке у кровати горит ровным жёлтым светом. Окно занавешено.

И на ковре, между кроватью и креслом, — тело.

Молодой мужчина. Лет двадцати пяти внешне. В тёмных брюках и тонкой светлой футболке. Лежит на спине, руки раскинуты, голова повернута к двери, глаза открыты. На груди, точно под рёбрами слева, — короткий деревянный штифт. Осиновый. Срез чистый, угол — снизу вверх, через диафрагму в сердце.

Мой почерк.

Я стою в дверях с обнажённой катаной и смотрю на труп, который положили в этот дом с моей подписью.

Адриан стоит у дальней стены. Я его не увидела сразу — он там, в полумраке между шкафом и окном. Очень неподвижный. Лицо — спокойное, но кожа стала ещё бледнее,

чем была в библиотеке. Он смотрит не на тело. Он смотрит на меня.

— Кира, — говорит он тихо.

— Это не я.

— Я знаю.

— Я в этом доме была час. Я была в библиотеке. Я не...

— Кира. Я знаю.

Он поднимает руку — медленно, ладонью ко мне, жестом «остановись».

— Дышите. Опустите катану. Я не собираюсь на вас нападать.

Я опускаю. Не до конца — лезвие вниз, но рука на рукояти.

— Кто он? — спрашиваю.

— Звали Маркус. Молодой. Мой. Жил в этом доме третий год.

— Ваш — в смысле?

— В смысле, я его обращал.

Я смотрю на тело ещё раз. Лицо молодое, спокойное. Лёгкая щетина. На правой щеке — маленький старый шрам, белый, в форме запятой. От человеческой жизни. Они часто сохраняются после обращения — то, что было на коже до этого. Маркус успел где-то порезаться, ещё когда был живой.

— Сколько ему было? — спрашиваю.

— По дате обращения — семь лет. По человеческой — двадцать четыре, когда я его обращал.

— Почему обращали?

— Это, — Адриан кивает на тело, — сейчас не главное. Главное другое.

Он подходит ближе. Я слежу краем глаза — он держит дистанцию, не приближается ближе, чем на два метра. Это сознательно. Он не хочет, чтобы я нервничала.

Останавливается у ковра. Смотрит на штифт. Потом на лицо Маркуса. Глаза у Адриана — пустые. Не равнодушные. Опустошённые.

— Штифт оставлен специально, — говорит он тихо. — Тот, кто это сделал, хотел, чтобы тело меня дождалось. Если бы вытащил — я бы вошёл в комнату и нашёл пепел. А пепел — это просто пыль на ковре.

— Часовой механизм.

— Подпись. Чтобы я успел рассмотреть.

Он наклоняется ближе.

— Угол снизу вверх. Под левое ребро, через диафрагму. Шесть дюймов осины, заточенный конец. Срез на торце чистый, без задигов. Это ваш метод.

— Да.

— Кто-нибудь, кроме меня, знает, что это ваш метод?

— Технику штифта снизу вверх — знают все охотники, кто хорошо работает. Угол под левое ребро — это уже моё. Так делает один из десяти. Чистый срез на торце — это уже два из ста. Я сама штифты затачиваю. Никому не отдаю.

— Тогда вопрос второй. Кто-нибудь видел, как вы их за-

тациваете?

Я думаю.

— Эстебан. Раз. Лет шесть назад. Он принёс мне новую заготовку и хотел посмотреть, как я её доведу.

— Эстебан не мог вас подставить?

— Нет. Я в нём уверена как в себе.

— Кто-то ещё?

— Никто.

— Значит, либо у Эстебана утечка, либо кто-то годами наблюдал за вами и собирал каждую деталь.

Я молчу. Третий вариант я озвучивать не хочу.

— Или, — Адриан поднимает глаза от тела, — этот кто-то ещё и охотник.

— Я тоже об этом подумала.

— Сколько охотников в Майами?

— Серьёзных — трое. Я. Старик Ди Анджело в Hialeah, ему семьдесят, он почти не работает. И Райан Колл, бывший морпех, работает в основном по контрактам с частными лицами.

— Кто-то из них умеет так?

— Ди Анджело — да, но он стар. Колл — нет, он работает огнестрелом и колями стандартного размера.

— А вне Майами?

Я думаю. В голове прокручивается список — школы, которыми я владею, чужие почерки, которые я видела в работе или на трупах в полицейской лаборатории.

— Тампа, — говорю. — Одна женщина. Анна Зеленая.
Так работала.

— Работала?

— Умерла два года назад.

— Точно?

Я замолкаю.

Два года назад я приехала на её похороны. Закрытый гроб.
Кремация. Я видела гроб, я видела урну. Я не видела тела.

— Точно? — повторяет Адриан.

— Не знаю.

Он медленно кивает.

— Тогда я предлагаю исходить из того, что вы не знаете.

Я подхожу к телу. Опускаюсь на корточки — не близко, в полуметре. Катану кладу рядом на ковёр, рукоятью к себе.

Смотрю.

Глаза Маркуса открыты. Карие. Уже мутнеют, но тело держится — штифт стоит ровно, не провёрнут. Я знаю это правило с первой охоты: пока осина в сердце, тело не рассыпается. Выньте штифт — и через час останется пепел. Кто-то знал, как оставить мне труп на подольше.

На шее у него — тонкая золотая цепочка с маленьким крестиком.

— У вампиров бывает крестик? — спрашиваю.

— У моих — бывает. Маркус был верующим до обращения. Не отказался от веры — переосмыслил. Говорил, что бог не сильно сердится. Я не лез.

Я тяну руку — осторожно — к крестику. Адриан не возражает. На обратной стороне — гравировка, мелкая, на латыни.

— Прочтёте?

— *Lux in tenebris*. Свет во тьме.

Я опускаю крестик обратно.

— Адриан, — говорю. — Я хочу осмотреть тело.

— Осматривайте.

— Я была криминалистом четыре года. Я знаю, что искать.

— Я не сомневаюсь.

Я смотрю на него.

— Вы хотите присутствовать?

— Я не хочу мешать.

— Мне нужно перевернуть.

— Я помогу.

Он наклоняется. Берёт Маркуса под плечи. Я — под бёдра. Мы переворачиваем тело на бок, потом на живот. Я работаю быстро, как раньше в лаборатории. Адриан удерживает.

На затылке — ничего. На шее сзади — ничего. Я задираю футболку. Спина чистая.

— Помогите снять рубашку.

Адриан расстёгивает пуговицы. Я приподнимаю плечи. Стягиваем.

И тут я вижу.

На правой лопатке — отметина. Размером с монету: кру-

жок, внутри две перекрещенные линии, тонкие. Кожа вокруг чуть припухла — прижгли серебром, час назад, может, два. Запах слабый — палёный белок и металл. Я узнаю не сразу, потому что в комнате пахнет смертью молодого вампира, и метка теряется в этом фоне.

— Это что? — спрашиваю.

Адриан смотрит долго. Очень долго.

— Метка, — говорит он наконец.

— Чья?

— Не моя. И не его собственная.

— Адриан.

— Кира, я не уверен. Если я скажу, чья — это будет догадка, на которой нельзя строить версии.

— Догадка лучше пустоты.

Он молчит ещё секунду.

— Это похоже на старый знак. Очень старый. Я его не видел сто лет.

— Чей?

— Это знак, которым раньше — давно — метили чужих жертв, когда хотели показать, кто их убил. Это не подпись охотника. Это подпись вампира, который положил тело здесь.

Я смотрю на него.

— То есть, — говорю медленно, — кто-то из ваших убил вашего, оставил вам труп в доме с моим почерком и подписал, что это сделал он, не я.

— Похоже на то.

— Зачем?

— Чтобы я знал, что игра пошла. Чтобы я не списал это на охотника со стороны. Чтобы я понимал, кто пишет.

— И кто?

Он выдыхает. Медленно. Я первый раз вижу, чтобы он выдохнул.

— У меня есть несколько вариантов. Я бы хотел проверить, прежде чем называть.

— Сколько вам нужно?

— До утра.

— Утром я хочу имя.

— Утром вы его получите.

Мы накрываем Маркуса покрывалом с кровати. Адриан складывает руки. Я смотрю и не понимаю — это привычка ритуала или просто потребность сделать что-то для своего.

— Похороны? — спрашиваю.

— Будет самокремация. К утру выну штифт — и через час останется пепел. Я соберу.

— И что с ним делаете?

— У меня есть место. Старое. В Корал-Гейблс. Я там храню всех, кого терял. С шестьдесят восьмого года.

— Сколько их?

Он молчит.

— Сорок один.

Я не комментирую.

В коридоре — шаги. Лёгкие, женские. В двери появляется Мария — та самая работница, что приносила воду. В руках у неё свёрнутая чёрная ткань. Что-то вроде савана.

— *Señor*, — говорит она. — Я подготовила комнату для гостей. И принесла кровь — вам надо.

— Спасибо, Мария.

— Я могу убрать здесь?

— Через час. Сначала я сам.

— Хорошо.

Она кивает мне. Без удивления, без вопроса. Видит босую женщину с катаной в чужой комнате с трупом — и идёт по своим делам. Двадцать два года в этом доме, я начинаю верить, что она видела всякое.

Мария уходит.

— Кира, — говорит Адриан. — Я вас прошу.

— О чём?

— Не ехать в Coconut Grove сегодня.

Я молчу.

Я знаю, что он прав. Если есть кто-то, кто знает мой почерк настолько, чтобы воспроизвести его до угла среза на штифте — этот кто-то знает и мой адрес. И если он за час успел положить труп в дом на Star Island, он успеет и в мою квартиру.

Но я не люблю спать в чужих домах.

— У вас есть гостевая комната, в которой не лежит труп?
— спрашиваю.

— Есть.

— С замком изнутри?

— И на окнах — стеклопакеты с серебряной плёнкой между слоями. У меня есть свои причины.

Я киваю.

— Тогда останусь. И позвоню Эстебану.

— Конечно.

Поднимаю катану с ковра. Возвращаю в ножны. Иду к двери. На пороге останавливаюсь.

— Адриан.

— Да.

— Въезд на остров по списку, камеры на каждом столбе. Как сюда занесли труп?

Он долго не отвечает.

— Маркуса не «занесли». Он сам поднялся в эту комнату. Своими ногами. Тот, кто его убил, был в этом доме как гость. Возможно, до сих пор здесь.

Я смотрю на дверь.

— Сколько человек у вас сейчас в доме?

— Двенадцать. Я проверю всех до утра. — Пауза. — Маркус был моим водителем шесть лет, пока был жив. После аварии обращение было его выбором. Он остался жить у меня в доме.

— Значит, друг.

— Что-то близкое.

Я молчу. Потом, тихо:

— Соболезную.

— Спасибо.

Я выхожу.

Мария ждёт меня в коридоре с керамической кружкой в руках. От кружки идёт пар.

— *Manzanilla*, — говорит она. — Ромашка. С мёдом. Я делаю её всем, кто видел нехорошее.

Я беру кружку.

— *Gracias*.

— *De nada, mi ja*.

Она называет меня «моя дочь» так, как будто мы знакомы лет десять. И я не знаю, почему — но у меня от этого слова становится легче.

Гостевая, в которую она меня ведёт, — на третьем этаже. Большая, с окном на залив. Кровать заправлена белым. На столике — графин с водой и стакан. На стуле — чёрный шелковый халат и сложенная пижама. Размер мой. Я не спрашиваю, откуда.

Мария уходит, закрывает за собой дверь. Я поворачиваю ключ в замке. Замок старый, медный, надёжный.

Сажусь на кровать. Катану кладу на одеяло справа от себя. Достаю телефон.

Звоню Эстебану.

Один гудок. Два. Три.

— ¿*Diga?*

— Эстебан, это я.

— *Chica*. Я ждал звонка.

— У меня вопрос.

— Слушаю.

— Анна Зеленая из Тампы. Ты помнишь её?

Долгая пауза. Длиннее, чем у Эстебана бывают.

— Помню, — говорит он наконец.

— Она точно умерла?

Ещё пауза.

— Кирочка, — говорит он, — я тебе перезвоню через двадцать минут. Жди у телефона.

— Эстебан...

— Двадцать минут. И не отключайся, если я долго не позвоню. Иногда я не сразу нахожу нужного человека.

Он отключается.

Я остаюсь сидеть на чужой кровати, в чужом доме, с катаной справа и стаканом ромашки слева. За окном — Бискейн-бэй. Огни даунтауна на той стороне.

Анна. Или не Анна. Кто-то, кто учился у того же человека, что и я. Или долго наблюдал за моей работой.

Где-то в этом городе живёт человек, который знает мой почерк.

И, кажется, он начал писать им сам.

Глава 6. Гниль

Эстебан перезванивает через сорок минут, а не двадцать.

Я сижу на чужой кровати, на коленях у меня — катана в ножнах, кружка с ромашкой давно остыла. За окном — серое небо перед рассветом. Залив того же цвета, что небо. Граница между ними размыта.

Телефон вибрирует на одеяле.

— *Sí*.

— Кирочка, — говорит Эстебан. Голос у него усталый, медленный. — Я говорил со своим человеком в Тампе.

— И?

— Зеленая Анна Михайловна, тысяча девятьсот восемьдесят первого года рождения. Кремирована в марте две тысячи двадцать третьего. Свидетельство о смерти у меня перед глазами. Я его, *chica*, сфотографировал.

— Точно она?

— Подпись патологоанатома знакомая. Поляк, я его знаю с восьмидесятых. Он не подделывает.

— Кто опознавал тело?

Долгая пауза.

— Сестра. Из Огайо.

— Эстебан.

— Я знаю, *chica*. У меня тот же вопрос. Сестра приехала, опознала, увезла урну. Тела при опознании уже не было —

был пепел. Так бывает, когда умирает вампир.

Я молчу. Эстебан тоже.

— Эстебан, — говорю я. — Если она обращена, а не мертва — кто её обратил? Когда? Зачем?

— *Chica*, у меня сейчас на это нет ответа. Я звоню в Тампу ещё раз днём. У меня есть один старик, который её учил. Я попробую с ним связаться. Дай мне время до вечера.

— Хорошо.

— Где ты?

— На Star Island.

Длинная пауза.

— У него?

— У него.

Эстебан вздыхает. Этот вздох я знаю — он делает его, когда самому себе сказать ничего хорошего не можешь.

— Кирочка, — говорит он наконец. — Я не буду тебе ничего советовать. Я тебя слишком давно знаю, ты всё равно сделаешь по-своему. Только одно. Если он попросит у тебя кровь — не давай.

— Он не просит.

— Попросит. Они все рано или поздно просят. Это их природа.

— Эстебан.

— Я знаю, что ты слышала.

— Ты сегодня сам поспи. Ты кажешься усталым.

— Я сплю утром. Сейчас — кофе.

— Я тебя завтра увижу?

— Если ты всё ещё будешь живой, то обязательно.

Он отключается.

Я кладу телефон. Смотрю в окно ещё минуту. За эти сорок минут небо стало чуть светлее — серое перешло в перламутровое. Скоро солнце. Адриан, который был активен всю ночь, должен бы уже спать. Древние не сгорают на солнце, как молодые, но дневной свет их выматывает.

Я встаю с кровати. Натягиваю джинсы и майку — ту же, в которой приехала. Шёлковый халат, который повесила Мария, остался на стуле нетронутым. Не моя одежда. Не сегодня.

Беру катану и выхожу.

Дом просыпается. На первом этаже — запах кофе. Не моего, не кубинского — настоящего, эспрессо. Откуда-то из кухни доносится тихое радио на испанском, и я понимаю, что это Мария начала свой день.

Адриана я нахожу не в библиотеке, а в комнате, которую вчера не видела. Маленький кабинет в восточном крыле, окно занавешено плотной чёрной шторой. На стенах — карты. Несколько старых, в рамах. Одна — Майами и окрестности, новая, отпечатанная на хорошей бумаге, с пометками карандашом. На столе — три телефона, ноутбук, пустой бокал с тёмным осадком на дне. И открытая папка с фотографиями.

Адриан стоит над столом. Он не оборачивается, когда я вхожу, — слышит шаги.

— Эстебан позвонил, — говорит он.

— Да.

— Что узнали?

Я сажусь в кресло напротив стола. Кладу катану на пол.

— Анна Зеленая кремирована в марте прошлого года.

Свидетельство есть. Оpoznавала сестра — но опознавала уже пепел. Эстебан проверяет дальше.

Адриан кивает. Поднимает на меня глаза.

— Это не она, — говорит он.

— Откуда уверенность?

— Потому что у меня есть имя.

Он садится за стол напротив. Открывает папку. Поворачивает её ко мне.

На верхнем снимке — мужчина. Лет шестидесяти на вид, седой, плотный. Тяжёлое лицо, толстая шея, дорогой костюм без вычурности. Снимок сделан издалека, с длинного объектива — мужчина выходит из машины перед белым особняком в стиле американского юга. За его спиной — двое в костюмах.

— Виктор Гросс, — говорит Адриан. — Глава одной из старых семей Восточного побережья. Около шестисот лет. Живёт в Палм-Бич, особняк называется «Casa del Mar».

Я смотрю на лицо.

— Шестьсот.

— Да.

— Он старше вас в два раза.

— В этом проблема.

— Зачем ему я?

— Не вы. Не лично. Вы — фигура на доске. Я — другая фигура. Он играет в шахматы.

— Объясните.

Адриан откидывается в кресле. Складывает руки.

— У Виктора со мной долгая история.

— Насколько долгая?

— С тысяча восемьсот двадцатых. — Он молчит. — Если коротко: он считает, что я предал свой круг. Что моя война с такими, как Лисандро, — личная месть, прикрытая принципом.

— А это принцип или месть?

Он смотрит на меня.

— Частично и то и другое. Объясню позже.

— Хорошо.

— Сейчас важно другое. Виктор не убивает меня сам — слишком шумно. Древнему убить древнего — это год расследований внутри круга, это вендетты. Ему нужно, чтобы меня убрали чужие руки. В идеале — человеческие.

— Мои.

— Ваши.

— Поэтому он подбросил Маркуса с вашим почерком. Он рассчитывал, что либо я увижу труп, узнаю ваш метод, решу, что вы предали, и убью вас сам, либо вы увидите труп раньше меня, испугаетесь подставы, попытаете бежать — и то-

гда я буду думать, что вы виноваты, и буду охотиться на вас. Любой из этих сценариев приводит к тому, что вы и я больше не союзники. После этого он берёт меня в любой удобный момент.

— А карточка под дворником?

— Карточку оставил мой человек. Тот, о котором я говорил вчера. Он работает не на меня — скорее на собственные принципы. Иногда они совпадают с моими, иногда нет. Он услышал что-то на марине, понял, что готовится подстава, и попытался вас остановить. К сожалению, в недостаточно понятных формулировках.

— Я бы его выслушала, если бы он подошёл прямо.

— Он не подходит прямо. Никогда. У него на это свои причины.

— Имя.

— Не сегодня. Это его правило и я его уважаю.

Я смотрю на снимок Виктора Гросса. Лицо мне ничего не говорит. Это лицо нанимателя — такого, какого может играть актёр в фильме про мафию. Тяжёлое, спокойное, неуязвимое.

— Что вы хотите сделать? — спрашиваю.

— То же, что собирался. По плану Лисандро нужно было убрать в среду. Это план, который Виктор знает. Но я его меняю.

— Меняете как?

— От Лисандро нужно избавиться сегодня. До того, как

Виктор успеет перенастроиться.

Я молчу. Внутри у меня что-то медленно поднимается — не радость, не страх. Готовность.

— Сегодня — это когда?

— Сегодня ночью. У Лисандро каждую субботу закрытая встреча в клубе, после официального закрытия. Очень закрытый круг. Восемь-десять своих, пара гостей. И девушки, которых он, — Адриан останавливается на секунду, — приглашает на эти встречи.

— Сколько девушек?

— Обычно три-четыре. Не все выходят утром.

Я молчу.

— У меня есть видео, — говорит Адриан тихо. — С прошлой субботы. Хочу, чтобы вы посмотрели. Не для того, чтобы убедить — вы уже согласились. Для того, чтобы вы поняли, кто перед вами в среду или сегодня. Чтобы не дрогнули в последнюю секунду.

— Я не дрогну.

— Посмотрите.

Он поворачивает ноутбук. Открывает файл.

Я смотрю.

Камера установлена где-то под потолком, угол неудобный, картинка зернистая. Подвал — каменные стены, низкий свод, тусклые лампы в железных корзинах. Посередине — деревянный стул. На стуле — девушка. Двадцать, может, меньше. Тёмные волосы, тонкая майка, голые ноги. Руки за

спиной, связаны. Голова опущена.

Вокруг — четверо мужчин. В дорогих рубашках, расстёгнутых до середины груди. Не дёрганные, не суетные — расслабленные. Один смеётся, разводит руками, рассказывает что-то остальным. Лица я не разбираю — съёмка плохая. Слышно музыку. Реггетон. Старый жанр, из девяностых.

Один из мужчин подходит к девушке. Берёт её за подбородок, поднимает лицо. Она смотрит мимо камеры, в стену. Не плачет. Лицо у неё такое, какое бывает у людей, которые знают, что плакать поздно.

Мужчина наклоняется к её шее.

Я не отворачиваюсь.

Я профессионально смотрю. Считаю секунды. Запоминаю расположение. Запоминаю, кто из четверых ближе к двери, у кого свободные руки. На пятой секунде я уже знаю, кого бить первым.

На седьмой — у меня перестаёт работать профессионализм.

Я закрываю глаза. Открываю. Встаю.

— Адриан.

— Да.

— Где туалет.

— Налево по коридору.

Я выхожу. Закрываю за собой дверь. Дохожу до туалета. Открываю кран на холодной — громко, на полную струю. И только потом, под этот шум, опираюсь руками о раковину и

сгибаюсь.

Рвота короткая. Поверхностная. Ромашка, ничего больше. Я ничего не ела со вчерашнего обеда у Эстебана.

Полощу рот. Полощу ещё раз. Смотрю на себя в зеркало — бледная, под глазами тёмные круги, прядь волос прилипла к виску. Поправляю. Выпрямляюсь. Закрываю кран.

Возвращаюсь в кабинет.

Адриан сидит на том же месте. Ноутбук закрыт. На столе перед моим креслом — стакан воды и сложенное белое полотенце.

— Убивать вампиров — это работа, — говорю я, садясь.
— Смотреть, как они убивают, — нет.

— Я знаю.

Я делаю глоток воды. Холодная, отдаёт минералом.

— Лисандро умрёт сегодня, — говорю.

— Сегодня.

— Я сама этого хочу.

— Знаю.

— Не лезьте между мной и ним.

— Это будет сложно. У него вокруг свои.

— Я разберусь с ними. Лисандро — мой.

Адриан долго смотрит на меня. Потом медленно кивает.

— Принято.

— Адриан.

— Да.

— Виктор. После Лисандро — он тоже мой?

— Нет.

— Почему?

— Потому что Виктор — это другое. Лисандро — это работа для охотницы. Виктор — это война, которую начал я. Я её и закончу.

— А если он первым закончит вас?

— Тогда он ваш. Я разрешаю.

Я слабо улыбаюсь. Не от веселья — от усталости.

— Спасибо за разрешение.

— Это всё, что у меня сейчас есть.

Тишина. На стене тикают часы — старые, наверное, антикварные. Где-то на кухне Мария разговаривает с кем-то по телефону — по-испански, тихо.

— Адриан, — говорю я. — Один вопрос.

— Слушаю.

— Зачем вы мне это всё рассказываете? Виктора, имя, план. Вы могли бы вести меня вслепую. Большинство ваших так бы и сделали.

Он смотрит на меня. Долго.

— Потому что вслепую вы умрёте, — говорит он наконец.

— А я не хочу, чтобы вы умерли.

— У вас было четверо до меня.

— Они умирали, потому что не знали. Вы будете жить, потому что я научился.

— Это комплимент?

— Это извинение перед теми четырьмя.

Я молчу.

— Адриан.

— Да.

— Где можно поспать пару часов?

— В той же комнате, где вы были ночью. Дверь заперта изнутри, я туда не войду. Мария разбудит вас в час дня.

— Час дня — это днём.

— Я знаю. Сегодня нам обоим нужно быть в форме к ночи. Я в это время сплю. Вы — отдыхайте, как считаете нужным.

Я встаю.

— Адриан.

— Да.

— Если я завтра умру — заберите Чегевару.

— Кого?

— Кота. Рыжего, у Эстебана во дворе живёт. С обкусанным ухом.

— Хорошо.

— Спасибо.

Я иду к двери. На пороге останавливаюсь.

— Если я завтра умру — Виктора тоже добейте.

— Само собой.

Я выхожу.

В коридоре пахнет кофе и хлебом — Мария печёт. Где-то на улице кричит чайка. За окнами на лестнице — уже светло. Солнце взошло, пока я разговаривала с трёхсотлетним

вампиром о том, кого из нас завтра не будет.

Хороший Майами. Вполне нормальное утро.

Я поднимаюсь к себе. Запираю дверь на медный замок.
Кладу катану на одеяло.

Сегодня ночью кто-то умрёт по-настоящему.

И я надеюсь, что это будет Лисандро.

Глава 7. Подготовка

Мария будит меня в час дня.

Стук в дверь — три раза, негромко. Я открываю глаза, и катана уже в руке — рефлекс быстрее, чем сознание.

— *Mija*, — голос Марии из-за двери, — обед на кухне через пятнадцать минут. *Señor* просит передать: оружейная — в подвале, второй пролёт от лифта. Спускайтесь, когда будете готовы.

— Спасибо, Мария.

— И душ. Полотенца на полке.

Шаги уходят. Я сажусь, спускаю ноги с кровати. Голова после трёх часов сна — тяжёлая, но это рабочая тяжесть, я её знаю. Через пять минут под холодной водой пройдёт.

В ванной — свежие полотенца. Белые, толстые, с лёгкой меткой в углу — не вензель, маленькая буква S. Видимо, его прачка ставит. На полке у зеркала — новая зубная щётка, паста, дезодорант, расчёска. Всё нераспечатанное. Я не спрашиваю себя, откуда. У Адриана в этом доме всегда найдётся гостевая полка для непредвиденной женщины с катаной.

Под душем я думаю о Лисандро.

Я знаю про него только по словам Адриана и Эстебана. Девяносто пять лет. Кубинец. Обращён в Гаване в тридцатых. Содержит закрытый клуб в Литтл-Гаване. Имеет своих — не из самых сильных, но опасных в численности. Любит

музыку девяностых. Любит молодых. Любит смотреть.

И сегодня ночью он не доживёт до рассвета.

Я обещаю это себе, выключая воду.

На кухне — Мария поставила на стол ризотто с грибами и стакан с чем то красным. Не вино — гранатовый сок. Я ем стоя, у окна. Окно выходит на залив. Вода голубая, ровная, без волн. Какой-то катер тащит за собой парус для туристов — белый, в цветах. Майами в час дня.

Адриан в столовой не появляется. Спит, наверное.

Мария убирает мою тарелку.

— *Mija*, — говорит она. — Можно совет?

— Да.

— Когда вы будете ехать туда — поешьте перед выходом. Не сильно. Маленький *bocadillo*. Я приготовлю.

— Зачем?

— На голодный желудок страх в живот идёт. На сытый — в голову. В голове со страхом проще разобраться.

Я смотрю на неё.

— Откуда вы это знаете?

— У меня муж в Гаване работал в полиции, *mija*. Двадцать восемь лет. Я ему завтрак собирала каждое утро.

— Он жив?

— Восемь лет как нет.

— Прошу прощения.

— *No te preocupes*. Иди в оружейную. *Señor* не любит ждать.

Я иду.

Подвал у Адриана начинается за тяжёлой деревянной дверью под лестницей. Дверь открыта. За ней — мраморные ступени вниз. Воздух становится прохладнее с каждым шагом — здесь климат-контроль, я слышу гудение далеко внизу.

В конце лестницы — коридор. Серый камень, низкие потолочные лампы. Двери — три по правой стороне, две по левой. Адриан говорил: второй пролёт от лифта. Лифт я вижу в дальнем конце — обшитый сталью, грузовой. Вторым пролётом — это, видимо, вторая дверь по правой.

Я толкаю.

И останавливаюсь на пороге.

Оружейная — это не одна комната. Это анфилада из трёх. Первая — стеллажи с холодным оружием от пола до потолка. Сабли, шпаги, кинжалы, тонкие итальянские стилеты, короткие японские *танто*, толстые скандинавские топоры. Несколько катан в подставках — мне видно с порога, что одна из них старше моей раза в два.

Вторая комната — огнестрел. Я вижу её через арку. Стеллажи с винтовками, шкафы с пистолетами под стеклом, ящики с патронами. На дальней стене — старый «маузер» в раме, как картина.

Третья комната — за ещё одной аркой. Там тише, темнее. Что-то вроде лаборатории. Стол, лампа, лупа на штативе. На столе — россыпь штифтов, серебряных пуль, маленьких бутылочек с прозрачной жидкостью.

Адриан стоит у этого стола.

В чёрной рубашке, рукава закатаны до локтя. Волосы влажные — он, видимо, тоже только что после душа. Спина прямая, движения экономные. Я смотрю секунду от двери, и впервые понимаю, как он выглядит, когда не наблюдает за тем, как он выглядит. Просто рабочий за столом.

Он поднимает глаза.

— Кира.

— Адриан.

— Подойдите. Я кое-что хочу показать.

Я иду через первые две комнаты — медленно, оглядываясь. У дальней стены огнестрельной — старый кожаный диван и низкий столик с шахматной доской. Партия начата и брошена. Не та, что в библиотеке. Эта — другая, чёрные дальше.

— У вас две партии? — спрашиваю, подходя к нему.

— Я играю сам с собой. Одна не успевает закончиться к настроению другой. — Он отодвигает табурет рядом с собой.

— Сядьте.

Я сажусь.

На столе передо мной — деревянная коробочка, размером с обувную, открытая. Внутри — десять штифтов. Не моих — других. Темнее, плотнее и тоньше. Как будто даже длиннее.

— Это что? — спрашиваю.

— Осина, но не местная. С Альп. Старше двухсот лет. Я их сам делаю.

— Зачем мне?

— Затем, что Лисандро — не молодой. Девяносто пять лет — это рубежная цифра. Со средним и тем более со старшим вампиром обычная осина может не сработать с первого удара. С этими — сработает.

Я беру один. Тяжёлый. Балансировка смещена чуть к острию — для удара снизу-вверх это лучше. Я делаю несколько коротких движений в воздухе. Штифт ложится в ладонь, как родной.

— А с серебром у вас что? — спрашиваю.

Адриан выдвигает второй ящик. Внутри — пять серебряных пуль. Не литые — кованые. Каждая с тонкой гравировкой на боку, я не успеваю разобрать.

— Для пистолета. Девятый калибр, как у вас. Я заметил вчера.

— Что за гравировка?

— Имена. Моих обращённых, которых я потерял. Я кладу одно имя на пулю. Когда пуля уходит — имя уходит вместе с ней.

Я кладу пулю обратно. Аккуратно.

— Это не для сегодняшнего дня, — говорю.

— Нет. Это на случай, если когда-нибудь будет нужно. Я даю их вам сейчас, чтобы потом не было разговора, что я не давал.

Я молчу. Потом беру коробку с пулями, ставлю её перед собой.

— Беру.

— Не за «спасибо». За работу.

— За работу.

Он улыбается одной стороной рта.

— Кира. Условия на сегодня.

— Слушаю.

— Мы едем на двух машинах. Я — на «Астоне», вы — на «Хонде». «Хонду» паркуете на углу Восьмой и двадцать второй авеню, оттуда два квартала пешком. Я подъезжаю с другой стороны, со стороны двадцать четвёртой. Заходим порознь, встречаемся внутри. У них охрана на входе.

— Сколько?

— Двое. Оба молодые, но рабочие.

— Они меня узнают?

— Лисандро знает, как вы выглядите. Точно знает. У него фотография на стене кабинета. Он показывает её гостям и говорит, кого хочет увидеть в этом кабинете в виде особого ужина.

— Очаровательно.

— Поэтому маскировка.

Он встаёт. Подходит к шкафчику у стены, открывает. Внутри — несколько коробок. Достает одну. Возвращается. Кладёт передо мной.

В коробке — парик. Тёмный, почти чёрный, длинный, прямой. И коробочка с цветными контактными линзами. Зелёные.

— Серьёзно? — говорю.

— Я знаю, что вы про это думаете. Но Лисандро смотрит на лица — не на тела. С серыми глазами и русыми волосами вы для него — заметная. С зелёными и чёрными — одна из десяти девушек в зале. Этого хватит, чтобы пройти охрану и подойти к нему.

— Я ненавижу парики и я ненавижу контактные линзы.

— Вам придётся их полюбить.

— Адриан, у меня уже есть план.

— Какой?

— Я не подхожу к Лисандро. Я подхожу к его охранникам. По одному. Тихо. Снимаю двоих в туалете, потом ещё двоих в коридоре, потом захожу к нему в кабинет с уже разобранной охраной.

Адриан долго смотрит на меня.

— А почему вы думали, что мой план будет другим?

— Потому что вы любите театр.

— Только когда есть зрители. Сегодня зрителей нет. Я согласен с вашим планом.

— Серьёзно?

— У меня есть только одно дополнение.

— Какое?

— Я захожу с парадного входа, как ожидаемый гость. Лисандро меня не любит, но боится. Он не откажет мне в столике. Это отвлечёт его внимание. Пока он смотрит на меня в зале, вы работаете с охраной.

— А если он не смотрит?

— Он смотрит. У нас с ним сорок лет отношений. Когда я появляюсь у него в клубе — он всегда смотрит.

— Хорошо.

— И ещё одно.

— Да.

— Если у меня внутри возникнет осложнение — я подам знак. Тыльной стороной правой ладони по краю стола. Дважды. Это будет значить, что план меняется и вы выходите.

— Без вас?

— Без меня.

— А вы?

— Я разберусь.

Я молчу. Потом:

— Адриан, у вас есть страховка от смерти?

Он смотрит на меня — секунду — и впервые за день смеётся. Низко, тихо.

— У меня есть завешание. Подписано в тысяча восемьсот четырнадцатом в Граце. С тех пор я его обновлял шесть раз. Последний — в две тысячи двадцать первом.

— И что в нём?

— Половина — моим обращённым, которые ещё живы. Четверть — фонду в Вене, который реставрирует старые библиотеки. Четверть — Марии и её семье. Несколько отдельных пунктов про коллекции. И один пункт про машину.

— Про «Астон»?

— Про «Астон». Если я умру — машина уходит к человеку, который сядет рядом со мной в последний раз.

— Сегодня вечером я сяду рядом с вами?

— Если хотите.

— Не хочу.

— Я знал, что вы скажете.

— Адриан, я не могу водить «Астон».

— Это просто машина, Кира. Она едет туда, куда поворачивают руль.

— Это просто оружие, у которого по бокам кожаные сиденья.

— Тогда хорошо, что оно у вас есть на случай.

Я смеюсь. Против воли. И этот смех — короткий, неудобный — повисает в подвале, как чужой.

— У меня есть вопрос, — говорю.

— Слушаю.

— Соланж. Кто она вам?

Адриан смотрит на меня внимательно.

— Откуда имя?

— На яхте. Вы её мне показали. Сказали — союзница, если всё сложится.

— Я звонил ей утром. Она прилетит вечером из Нового Орлеана. Не на эту операцию — на следующие. Я не работаю без подстраховки на средний срок.

— А она — кто?

— Старая знакомая. Креолка. Двести пятьдесят лет. Не

любовница, если вы об этом.

— Я не об этом.

— Вы об этом.

Я молчу. Он прав.

— Она вам не противница?

— Соланж никому не противница. Соланж сама себе цель.

Она помогает, когда ей интересно. Сейчас ей интересно.

— Почему?

— Потому что вы появились.

Я смотрю на него.

— Я ей кто?

— Прецедент. Соланж двести лет наблюдает за охотниками. Она их коллекционирует — на расстоянии. У неё есть теория, что среди охотников появится тот, кто перейдёт. Она думает, что это вы.

— Перейдёт куда?

— К нам.

Я долго молчу. Потом тихо:

— У меня нет планов переходить.

— Я знаю.

— И вы Соланж это передайте.

— Передам. Но Соланж двести лет не слушает чужих планов. Она верит в свои наблюдения.

— Это меня пугает.

— Это правильно.

Я встаю с табурета. Беру коробку со штифтами. Коробку

с пулями.

— Адриан.

— Да.

— Если сегодня всё закончится тем, что я уйду домой целой, и Лисандро мёртв, — у нас будет другой разговор. Про Виктора. Про вашего невидимого человека. Про шрам у вас под браслетом.

— Будет.

— И про то, кто такая на самом деле Соланж.

— И про это.

— Хорошо.

Я иду к выходу из третьей комнаты, останавливаюсь в дверном проёме. Оборачиваюсь.

Адриан стоит у стола, смотрит мне вслед. Он только что брал что-то из ящика — я не видела, что. В правой руке у него — маленький стеклянный флакон. Он подносит его к губам.

Я успеваю заметить. Это не вода. Жидкость в флаконе тёмная, густая. Он делает короткий глоток. Закрывает крышку. Вытирает губы тыльной стороной кисти — быстрым, почти незаметным жестом.

Когда он опускает руку — я вижу.

На большом пальце — тонкая красная полоса. Кровь.

Он замечает мой взгляд.

— Это помогает днём, — говорит он. — Без крови я сейчас слабее.

— Чья?

— Не ваша. Обещаю.

— Я расслаблюсь, Адриан, когда у вас исчезнут клыки.

— Тогда вы не расслабитесь никогда.

— Я уже поняла.

Я выхожу из оружейной с коробками в руках. Поднимаюсь по мраморным ступеням. На полпути замираю.

Я только что обсуждала операцию с трёхсотлетним вампиром, который пьёт чужую кровь у меня на глазах, и я не вздрогнула.

Это что-то значит.

Я не уверена, что именно.

И до ночи у меня нет времени с этим разобраться.

Глава 8. La Sangre Negra

В Литтл-Гаване в полночь — другой Майами.

Здесь не пахнет океаном. Здесь пахнет жареным луком, табаком, выхлопом старых машин и сладкой пылью от тротуаров, которые днём раскалялись на солнце, а ночью отдают тепло обратно в воздух. Из открытых окон бубнит реггетон. На угловом крыльце сидят три старика с домино, у их ног — пёс без породы, без ошейника, без хозяина.

Я паркую «Хонду» на углу Восьмой и Двадцать второй.

Выхожу. На мне — чёрные джинсы, чёрная майка, лёгкая кожаная куртка, под которой не видно ни одного из моих штифтов. Волосы убраны в низкий хвост. Шпилька — в волосах, серебро под чёрной резинкой. На правом бедре, под джинсами, — ножны с альпийскими штифтами Адриана. На левом — узкий клинок. На поясе сзади — пистолет с серебром.

Катана осталась дома. Не сегодня.

Иду пешком два квартала. Каблуков нет — низкие ботинки на резине, бесшумные. Каждые десять шагов я слушаю, что у меня за спиной. Кубинец с домино посмотрел мне вслед и тут же забыл. Парочка туристов прошла мимо, смеясь. Бродячая собака пролаяла доброй ночи.

«La Sangre Negra» — на пересечении Восьмой и Двадцать пятой.

Вывески снаружи нет. Только чёрная дверь в нишах между ремонтом обуви и закрытой парикмахерской. У двери — двое. Высокие, тёмные рубашки, расслабленные позы. У одного — наушник в правом ухе.

Я прохожу мимо по противоположной стороне, не глядя. Дохожу до перекрёстка. Достāju телефон. Звоню — никому, никуда. Стою с телефоном у уха, смотрю на ту сторону улицы.

В тёмном стекле припаркованного «Линкольна» — отражение двери клуба.

Жду.

Через четыре минуты к двери подъезжает «Астон». Чёрный, длинный, низкий, мотор работает едва слышно. Дверь открывается. Адриан выходит — в чёрном костюме, без галстука, тёмная рубашка под пиджаком расстёгнута на верхнюю пуговицу. Идёт ко входу.

Один из охранников делает шаг вперёд, что-то говорит. Адриан останавливается. Кивает. Охранник касается наушника, слушает, потом отступает. Дверь открывается.

Адриан заходит.

Дверь закрывается.

Я кладу телефон в карман и иду в обратную сторону, в переулок за зданием клуба.

Переулок узкий, тёмный, заваленный мусорными баками. Запах — сладкий, гнилой. У задней двери — один охранник. Молодой, прислонился к стене, курит. Сигарета — настоя-

щая, тлеет. Это любопытно. Молодым нравится подражать привычкам живых.

Я подхожу спокойно. Без спешки. Покачивая плечами, как девушка, которая чуть выпила.

— Hola, — говорю.

Он поднимает на меня глаза.

— Не сюда. Это служебный вход.

— Извини, я заблудилась. Где главный?

— Обойди здание. Восьмая авеню.

— А ты не покажешь?

Он улыбается. Зубы белые, ровные, слишком. Бросает окуроч. Делает шаг.

В этот момент я уже на нём.

Шпилька — снизу вверх, *под ухо, в основание черепа*.левой ладонью — на рот, чтобы не закричал. Серебро жжёт его кожу мгновенно — я слышу шипение, как мясо на сковороде. Глаза у него округляются, рот под моей ладонью пытается открыться, но шпилька уже глубоко.

Я докручиваю и резко выдёргиваю.

Он оседает на меня. Я придерживаю — не за тело, за плечи, чтобы не упал шумно. Опускаю в проём между двумя баками. Тело начинает сереть через полминуты. Я не жду — забираю шпильку, вытираю о его рубашку, возвращаю в волосы.

Первый.

Подхожу к задней двери. Замок старый, электронный, но

самой простой модели. Я открываю его маленькой отмычкой — это умение я освоила в полиции, чтобы влезать в чужие лаборатории за чужими отчётами. Замок щёлкает. Я толкаю дверь.

Узкий коридор. Голая лампа под потолком. Слева — кладовка, дверь приоткрыта, видны ящики с бутылками. Справа — лестница вниз. Прямо — ещё одна дверь, под ней пробивается жёлтый свет и звучит музыка. Реггетон, басами в пол.

Туда — главный зал. Адриан там.

Мне — вниз. По лестнице. Туда, где подвал.

Я спускаюсь. Ступени бетонные, истёртые. На стенах — облупленная краска. Запах — старого пота, духов, чего-то химического. Не вещества. Просто плохое средство для уборки. Дешёвая хлорка.

В конце лестницы — два коридора. Один уходит вглубь, к котельной, наверное. Второй — к двери, обитой чёрным дерматином. У двери — никого.

Я подхожу. Прижимаюсь ухом.

Из-за двери — голоса. Двое. Мужские, спокойные, разговаривают на испанском. Я понимаю достаточно. Один говорит, что Лисандро поднимется через двадцать минут, второй отвечает, что готовит «новенькую» к смотру.

Я выдыхаю. Закрываю глаза на секунду.

Потом стучу. Дважды. Уверенно.

Голоса замолкают. Шаги.

Дверь открывает первый. Молодой, плотный, в красной

рубашке. Видит меня — открывает рот, но я уже внутри. Левая рука — в горло, толчком назад. Правая — штифт из ножен на бедре, снизу-вверх под рёбра. Он падает на спину, я падаю с ним, придерживаю голову, чтобы не ударилась.

Второй — у дальней стены. Стоит спиной — не заметил. Поворачивается на звук.

Слишком поздно.

Я уже в трёх шагах от него. Бросаю штифт — точно в грудь. Штифт его не убивает, но останавливает. Он шатается. Я в полпрыжке достаю второй штифт, выхожу на дистанцию, добиваю снизу.

Оба падают одновременно. Тот, первый, начинает сереть подо мной. Второй — у стены — тоже. Через минуту здесь будет только пепел и две рубашки.

Я выпрямляюсь. Дышу через нос.

Третий.

Оглядываюсь по комнате. Это не подвал, как в видео — это анфилада. За первой комнатой — арка, за ней ещё одно помещение. Я слышу оттуда тихий женский голос. Не крик. Слова. Кто-то говорит.

Я иду через арку.

Вторая комната — длинная. Каменные стены, низкий свод, тусклые лампы. По правой стене — четыре деревянные двери. Не комнаты. Узкие, с засовами снаружи. Камеры.

Посередине комнаты — стол. На столе — поднос с медицинскими принадлежностями. Капельница, перевязочные

ленты, ампулы с прозрачной жидкостью — врачебной, видимо, для успокоения. Я не разглядываю.

У дальней стены — стул. На стуле — девушка.

Не та, что в видео. Эта моложе. Лет восемнадцать, может, девятнадцать. Тёмные волосы, светлая кожа — не доминиканка, кубинка скорее. Худая, в чёрной майке и шортах. Руки за спиной — связаны. Голова поднята, она смотрит прямо на меня.

Не плачет.

— Tu eres ella, — говорит она тихо. Ты — она.

— Кто? — спрашиваю.

— Охотница. Они говорили, что ты придёшь.

— Кто говорил?

— Они. — Она кивает подбородком в сторону арки, через которую я вошла. — Не сегодня. Раньше. Они смеялись, что ты ходишь по ночам и кого-то ищешь. Что они скоро тебя поймают.

Я подхожу к ней. Опускаюсь на корточки сзади стула. Узлы — пластиковые стяжки, не верёвка. Достая клинок, разрезаю.

— Сколько вас здесь? — спрашиваю.

— Я не знаю. Слышала ещё двоих. Может, троих. За дверями.

Я освобождаю ей руки. Она не сразу их опускает — на запястьях глубокие следы, кожа стёрта. Подношу руку к её щеке, поворачиваю лицо к свету. Глаза — расширенные, ды-

хание частое, но она в сознании, она здесь. Её не «подготовили» полностью. Лисандро не успел.

— Имя?

— Камила.

— Камила, слушай меня внимательно. Сейчас ты сидишь здесь две минуты. Не встаёшь, не выходишь. Я открою остальные двери. Когда я скажу — ты идёшь со мной и помогаешь вести девушек. Идём по лестнице наверх и через служебный выход. Поняла?

— Да.

— Ты не подведёшь?

— Нет.

— Хорошо.

Я встаю. Иду к первой двери.

Засов тяжёлый, металлический. Я отодвигаю — он скрипит, я морщусь. За дверью — узкая комната без окон. Матрас на полу. На матрасе — женщина. Лет тридцать, белая. Смотрит на меня снизу вверх — без выражения.

— Идём, — говорю. — Я помогу.

Она долго не двигается. Потом медленно встаёт.

Я иду ко второй двери.

И в этот момент в первой комнате — за аркой — раздаётся шум.

Не один. Несколько. Шаги. Двери. Голос — мужской, спокойный, на испанском.

Лисандро.

Он спустился раньше, чем сказали. Двадцать минут не прошло. Или мне соврали — или мне дали правдивую информацию, но на которую сегодня нельзя было полагаться.

Я разворачиваюсь.

В арке появляется силуэт. Высокий, сухой, в тёмной рубашке, расстёгнутой на груди. Седеющие виски, чёрные глаза. За ним двое.

Лисандро.

Спустился раньше — значит, ему доложили о моих в подвале. Получается, что Адриан в зале уже не отвлечение и он сейчас либо идёт сюда сам, либо его держат наверху.

Он останавливается у арки. Смотрит на меня. На пепел на полу, на следы рубашек его людей. На Камилу, которая стоит за стулом, на полуоткрытую дверь камеры за моей спиной.

— *Niña*, — говорит он, и улыбается. — Я тебя ждал. Но ждал в кабинете. У меня там вино.

— Я не пью с дешёвками, — говорю.

— Ты грубишь.

— Я работаю.

Он смеётся — низко, гортанно. Двое его за спиной — не смеются. Они стоят, опустив руки. Я вижу, как у обоих топорщится под рубашками — кобуры с пистолетами.

— Знаешь, — говорит Лисандро, — у меня сегодня в зале сидит твой партнёр. Он пьёт у моего бара. Это означает, что либо у нас с ним война — а он пришёл бы с двадцатью своими, не один — либо у нас перемирие, и тогда ты здесь

быть не должна. У меня к нему есть пара вопросов.

— У меня к тебе тоже есть пара вопросов, — говорю я.

— Задавай.

— Сколько девушек ты убил в этом подвале за последние два года?

Он улыбается шире.

— Это плохой вопрос. На него я отвечать не буду.

— Тогда у меня нет других.

Я делаю шаг к нему.

Двое за его спиной — синхронно — поднимают руки. У одного — нож. У второго — пистолет уже в руке. Я не успеваю достать свой.

Я бросаю штифт.

Не в Лисандро — в того, что с пистолетом. Штифт летит ровно, я метаю его хорошо. Попадает в плечо — не в сердце. Этого достаточно, чтобы пистолет выпал. Я уже двигаюсь — вбок, к стене, чтобы уйти с линии огня.

И в этот момент за спиной Лисандро — в арке — появляется ещё одна фигура.

Адриан.

Он не подходит — он уже там. Я не услышала, как он спустился. Никто не услышал. Лисандро поворачивает голову — медленно, как поворачивает голову человек, который ещё не понял, что у него за спиной.

— Артуро, — говорит Адриан тихо.

Лисандро замирает.

— Адриан. Мы же договорились на вторник.

— Договоры с тобой больше не действуют.

В правой руке у Адриана — короткий меч. Не катана — что-то европейское, тонкое, с серебряной полосой вдоль лезвия. Я не видела его в оружейной.

Лисандро открывает рот, чтобы что-то сказать.

Адриан не даёт.

Меч идёт горизонтально, на уровне шеи. Один взмах. Чисто. Голова Лисандро отделяется от плеч мягко, как срезанный гриб. Тело держится на ногах ещё секунду — и обрушивается на пол. Голова катится в сторону, останавливается у моих ботинок.

Я смотрю на лицо. Глаза ещё двигаются. Потом — серый налёт, и через десять секунд лицо превращается в пыль.

Двое за его спиной — оборачиваются. Один пытается достать оружие. Адриан успевает раньше. Удар — горизонтальный, под рёбра, навывлет, следующий — в грудь второго охранника.

Двое падают. Сереют.

Тишина.

Я стою у стены. Камила — у стула, прижавшись к нему. Женщина из первой камеры — в дверном проёме, замерла. За тремя другими дверями — кто-то слушает, но не двигается.

Адриан опускает меч. Рукав пиджака на правой руке разрезан, под ним темнеет — не от его крови.

— Кира.

— Что?

— Вы в порядке?

— Да.

— Ранены?

— Нет.

— Тогда открываем остальные двери.

Я киваю. Подхожу к третьей. Открываю. Четвёртая. Открываю.

В двух из них — девушки, в третьей — пусто. В сумме нас теперь пятеро: Камила, та белая, две темнокожие — одна совсем молодая, лет пятнадцать, я отказываюсь думать об этом сейчас, иначе у меня сорвёт что-то внутри.

Адриан стоит у арки. Не идёт ближе — даёт мне работать. Я понимаю — он чувствует, что женщины меня примут, а его побоятся.

— Девочки, — говорю я по-испански. — Идём. Тихо, друг за другом. Я впереди.

Они идут.

Мы проходим мимо Адриана. Он отступает в сторону, опускает голову. Самая младшая — та, что лет пятнадцать — поднимает на него глаза, проходя. Замирает на секунду. Смотрит.

И тихо шепчет:

— *El Limpiador*.

Я слышу это первая. Камила услышала второй. Остальные

не слышали — или сделали вид.

Адриан стоит у стены. Лицо не меняется. Совсем. Но я вижу — в нём что-то ломается на доли секунды.

Он отворачивается. Идёт за нами по коридору, в сторону лестницы, не глядя.

И тут — впервые за всё время — я вижу: он не безразличен. К имени. К тому, что его узнают. К тому, что было в подвале.

К чему именно — я ещё не знаю.

Но он не безразличен.

Мы поднимаемся по лестнице. В коридоре наверху — пусто. Те двое охранников у задней двери исчезли — нет ни одного. Адриан, видимо, разобрался с ними по дороге.

На улице — переулок, мусорные баки, луна над крышами.

Адриан звонит кому-то по телефону. Коротко, по-английски: «Угол Двадцать пятой. Пять человек. Чисто. Десять минут». Кладёт трубку.

— Кто? — спрашиваю.

— Соланж. Она в городе. У неё в Хайалии есть дом для таких ситуаций. Девушек заберут туда, обработают, дадут документы, отправят к родственникам. Соланж это умеет.

— Соланж — старшая.

— Я знаю.

— И она этим занимается?

— Двадцать лет.

Я смотрю на него.

И впервые за этот вечер думаю не о том, чего я в нём не понимаю, а о том, сколько ещё могу не понимать.

Через десять минут к переулку подъезжает чёрный микроавтобус без надписей. За рулём — женщина средних лет, креолка, с короткими волосами. Не Соланж. Помощница, видимо. Она выходит, открывает заднюю дверь, помогает девушкам сесть. Они садятся молча, без сопротивления, как будто им уже объяснили, кто их забирает.

Камила — последняя — оборачивается ко мне с подножками.

— Как тебя зовут?

— Кира.

— Спасибо, Кира.

Она садится. Дверь закрывается. Микроавтобус уезжает.

Я стою в переулке рядом с Адрианом. В кармане у меня — окровавленная шпилька. На джинсах — серый налёт от пепла Лисандро.

— Адриан, — говорю я.

— Да.

— *El Limpiador*. Это давно?

Он молчит долго. Очень долго. Потом, тихо:

— С тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года.

— Сто сорок лет.

— Да.

— И тебе до сих пор не безразлично, когда тебя так называют.

— Нет.

— Почему?

Он смотрит на луну.

— Потому что когда меня так зовёт жертва — это значит, что она знала, что я приду. Это значит, что слух о том, что есть кто-то, кто чистит за такими, как Лисандро, дошёл до того, кто привязан к стулу в подвале. Это значит, что я опоздал.

Я молчу.

— Я помню каждое имя жертв, — говорит он. — Девочка, которая сегодня сказала «*El Limpiador*», шестая в этом году. Шестая, кто меня узнал в лицо. Я помню всех пятерых до неё. Я помню, как их звали. И кого они вспоминали в первую секунду, когда я их освобождал.

— Адриан.

— Да.

— Это и есть ответ на мой вопрос, зачем ты охотишься на своих.

— Это часть ответа.

— А вторая часть?

— Вторая часть — это моя сестра. Но про неё я ещё не готов говорить. Не сегодня.

Я киваю.

Мы идём к машинам. Молча. На углу Двадцать пятой Адриан останавливается у «Астона». Открывает дверь. Поворачивается ко мне.

— Кира.

— Да.

— Поезжайте за мной.

— Куда?

— Ко мне домой. Сегодня. Не в Coconut Grove.

Я смотрю на него.

— Адриан, мы только что закончили операцию. Я хочу домой.

— Поезжайте за мной. Я не прошу вас остаться. Я только прошу не быть одной этой ночью.

Я молчу.

И впервые за этот вечер я понимаю, что он просит не для меня.

Он просит для себя.

— Хорошо, — говорю.

Сажусь в «Хонду». Завожу мотор. Адриан садится в «Астон». Мы выезжаем из Литтл-Гаваны двумя машинами — чёрный аристократ впереди, серая охотница следом.

Над заливом — тонкий молодой месяц.

Сегодня в этом городе на одного хищника меньше.

На одного — больше.

Глава 9. Salt Cay

В дом Адриана мы приезжаем в начале четвёртого.

Мария не спит. Она ждёт нас в холле — в халате, с распущенными седыми волосами. Молча принимает у меня куртку. Молча кладёт руку мне на плечо — на полсекунды, без слов. Потом уходит на кухню.

Адриан стоит у двери. Не двигается. Лицо — спокойное, но кожа стала серее, чем была вечером. Мне это знакомо: он устал. Не физически — внутри. Кровь из флакона уже не помогает.

— Я в душ, — говорю я. — Потом тебя найду.

— Я в восточной террасе.

— Хорошо.

Я поднимаюсь к себе. Раздеваюсь — медленно. Джинсы с серым налётом от пепла, майка пропотевшая, на правом запястье — лёгкая ссадина, я её даже не заметила, когда она появилась. Под душем стою долго. Горячая вода, потом ледяная. Возвращаюсь к телу через холод — это старая привычка после операций.

Натягиваю чёрный шелковый халат, который висел на стуле. Он чуть тесноват в плечах, рукава длинноваты. Но плотный, тяжёлый — мне сейчас нужно что-то тяжёлое.

Иду на восточную террасу.

Терраса — не та, что выходит на залив. Эта — поменьше,

с тыльной стороны дома, в окружении старых дубов. Здесь нет вида. Только тёмный сад, шум листьев, далёкий гул кондиционеров соседних особняков.

Адриан сидит в кресле у каменной балюстрады. Без рубашки — только в чёрных брюках. Босиком. Кожа — белая, в свете луны почти светящаяся. На левом запястье — браслет. На спине, я не видела раньше, — длинный косой шрам от лопатки до поясницы. Старый, рваный. Я останавливаюсь у двери.

— Это что? — спрашиваю.

— Что именно?

— Шрам на спине.

— Тысяча восемьсот двенадцатый. Россия. Один казак не понял, кто я, и предположил, что я француз. Когда понял, кто я, — было поздно.

— Для тебя или для него?

— Для нас обоих.

Я выхожу на террасу. Сажусь во второе кресло, в полуметре от него. На столике между нами — графин с водой и два стакана. Он наливает мне, не спрашивая. Я беру.

Тишина.

Не неловкая. Просто — большая. Как будто после операции в нас обоих осталось слишком много звуков, и мы оба их ждём, чтобы они стихли.

— Сегодня хорошо вышло, — говорит он наконец.

— Лисандро мёртв.

— Девушек спасли.

— Камила сказала спасибо.

— Я слышал.

Я отпиваю воду. Холодная, минеральная. На зубах оседает лёгкая горчинка.

— Адриан.

— Да.

— Та девочка, которая сказала *El Limpiador*. Сколько ей лет?

— Пятнадцать. Может, четырнадцать.

— Откуда ты знаешь?

— У меня глаз на возраст. Это профессиональное.

Я молчу.

— Адриан.

— Да.

— Когда ты на меня посмотрел в первый раз на яхте, ты сразу знал?

— Что?

— Сколько мне.

— Двадцать восемь.

— И послужной список тебе показали потом?

— Да. Но возраст — я сам определил.

— Хороший навык.

— Полезный.

Опять тишина. Где-то в саду цикады. Где-то далеко — сирена скорой.

— Я тебя кое о чём попрошу, — говорит он.

— Слушаю.

— Завтра вечером я хочу взять тебя в одно место. Это не операция. Это знакомство.

— С кем?

— С миром. С тем миром, в котором ты теперь работаешь. Тебе нужно увидеть, на каком фоне ты движешься. Иначе ты будешь делать ошибки.

— Что за место?

— Salt Cay. Маленький частный остров в Бискейн-бэй. Там собираются те, кто старше двухсот лет. Раз в неделю. Закрытый клуб.

— Ты — член?

— Я — учредитель.

— Ничего себе.

— Это было в семьдесят восьмом. Тогда нас в Майами было трое. Сейчас сорок один.

Я молчу секунду.

— А зачем мне туда ехать?

— Чтобы они тебя увидели. И чтобы ты увидела их. Если завтра кто-нибудь из них решит, что тебя пора убрать, — мне нужно знать заранее, кто решит. Знакомство — это диагностика.

— А если они решат сразу?

— Не решат. Я тебя ввожу как мою гостью. По их правилам, в эту ночь — ты неприкосновенна. После — уже другой

вопрос.

— Это «после» — это сколько?

— Неделя. Иногда — три.

— Значит, через три недели на меня может пойти охота.

— Я бы предпочёл, чтобы ты к этому моменту была не одна.

— Я и сейчас не одна.

— Я знаю.

Он смотрит на тёмный сад. Не на меня.

— Адриан.

— Да.

— Ты сегодня попросил меня не быть одной этой ночью.

— Да.

— Ты хотел этого не для меня.

— Я знаю, что ты это поняла.

— Почему?

Он молчит долго.

— Когда тебя называют именем, под которым ты охотишься сто сорок лет, — говорит он медленно, — ты вспоминаешь всех, кто тебе это имя дал. Сегодня вспомнил шестую за этот год. Это много для одной ночи.

— Расскажи об одной из них.

— Из тех шести?

— Из всех.

Долгая пауза.

— Первой была девочка, — говорит он. — В тысяча во-

семьсот восемьдесят восьмом. В Зальцбурге, в подвале. Семнадцать лет. Звали Анна.

Я молчу.

— Я её не спас. Опоздал. Она умерла у меня на руках через час. Перед смертью успела сказать «*Sie sind der Reine*». «Вы тот, кто очищает». С этого слова потом получился *El Limpiador* — потому что в девяносто пятом я был в Гаване, и там оно стало кубинским.

— А Анна-семнадцать-лет — она была случайно?

— Нет.

— Кто её убил?

Он не отвечает.

Я не настаиваю.

Какое-то время мы просто сидим. Я понимаю, что задала вопрос, на который сегодня ответа не будет. Это нормально — есть ночи для ответов и есть ночи для пауз.

И тут — впервые с того момента, как я приехала в этот дом, — я делаю что-то, чего не планировала.

Я кладу руку ему на плечо.

Не на шею. Не на запястье — там его браслет, его шрам, я туда не лезу. Просто на голое плечо, у самого основания шеи. Кожа у него прохладная, не холодная. Чуть твёрже, чем у живого. Но это плечо. Это просто плечо человека, который сидит рядом и устал.

Он не двигается. Не поворачивает голову. Не смотрит на мою руку.

Просто дышит.

Через минуту он накрывает мою кисть своей. И тоже не двигается. Не сжимает. Просто кладёт сверху и оставляет.

Так мы сидим в темноте сада ещё минут десять. Я не считаю.

Потом он говорит:

— Спать.

— Да.

Я встаю. Убираю руку. Иду к двери. На пороге оборачиваюсь.

— Адриан.

— Да.

— Завтра я надену платье.

— Хорошо.

— Не потому что мне это надо. А потому что я хочу, чтобы они меня запомнили.

— Они тебя запомнят.

Я ухожу.

Salt Cay — это не остров. Это насыпь.

Я понимаю это, когда «Астон» останавливается на маленьком частном причале в полуночи. Перед нами — лодка. Не катер — длинная узкая моторка с тихим двигателем. За рулём — мужчина в чёрном костюме.

— Это насыпь? — спрашиваю.

— Да. Создали в семидесятых. На карте её нет.

— Совсем нет?

— Совсем. Это была идея одного из старших. На спутниковых снимках видна, но юридически не существует ни в одном кадастре. Плавающая платформа на якорю. Округ не возмещает — налоги с неё всё равно никто не платит.

— Кому принадлежит?

— Никому. Юридически — это плавающая платформа на якорю. Налоговая до неё не доходит.

— Удобно.

— Очень.

Мы садимся в моторку. Я в чёрном платье — другом, не том, что было на мне на Madeleine. Это короче, проще, в нём легче бить ногой, если придётся. Шпилька в волосах. На бедре под платьем — два штифта, серебряный клинок. Пистолет на пояснице.

Адриан — в чёрном костюме без галстука. Тёмная рубашка. Старые серебряные запонки.

— Это запонки? — спрашиваю, когда мы отплываем.

— Это запонки.

— Серебряные.

— Австрийские. Восемнадцатый век.

— Тебе не жжёт?

— Жжёт. Я к этому привык.

— Зачем?

— Чтобы помнить, кто я.

Лодка идёт по чёрной воде минут пятнадцать. Майами с

этой стороны почти не видно — мы идём с дальней стороны залива, в сторону Ки-Бискейн. Огни редкие. Луны нет — третья ночь после новолуния.

Salt Cay появляется из темноты, как декорация.

Низкая искусственная коса. Над ней — длинный одноэтажный дом из тёмного дерева. Окна — узкие, тонированные. У причала — три моторки и одна большая яхта, метров пятьдесят.

Мы причаливаем. Адриан выходит первым. Подаёт мне руку — не как кавалер, как охранник. У входа в дом — двое в чёрных костюмах. Не молодые. Я вижу это сразу — старые, в смысле обращения. Двести лет минимум каждому. Они смотрят на меня. Не враждебно. Оценивающе.

Один кивает Адриану.

— Mr. von Schönberg.

— Guten Abend, Walter.

— Madame.

— Кира Соболева.

— Я знаю. Прошу.

Двери открываются.

Зал — длинный, низкий, с тёмными деревянными балками. По стенам — старые карты, картины, какое-то военное оружие в рамах. У дальней стены — длинный бар из тёмного дерева. За ним работает один человек, женщина лет пятидесяти внешне, разливает что-то тёмное по бокалам.

В зале — человек двадцать пять.

И я понимаю сразу: я здесь самый молодой человек.

Не по виду — по сути. Каждое лицо, на которое падает мой взгляд, — старше моего ремесла, моих родителей, моей страны. У большинства — спокойствие, какого не бывает у живых. У некоторых — тяжесть, как у Адриана. У одного-двух — пустота, как у тех, кто давно не помнит, зачем продолжать жить.

Адриан ведёт меня через зал. Кивки. Лёгкие поклоны. Один мужчина — пожилой на вид, тёмная борода, тёмный костюм — поднимает бокал в нашу сторону, не вставая.

— Орлов, — тихо говорит Адриан. — Русский. Триста пятьдесят лет. Нейтрален. Когда-нибудь станет нашим союзником.

— Сейчас?

— Сейчас он ещё не определился.

Мы подходим к бару. Адриан заказывает мне бокал воды, себе — что-то тёмное в коротком стакане. Кровь, скорее всего. Я не уточняю.

И тут я слышу — справа от меня, не громко, но отчётливо:

— *Niña*.

Я поворачиваюсь.

Рядом со мной — женщина. Сидит на высоком барном стуле, в чёрном платье до пола, с глубоким вырезом. Чёрные волосы убраны в высокий узел. Кожа — тёмная, оливковая. Лицо — узкое, с высокими скулами. Возраст внешний — сорок, не больше. Возраст настоящий — я не могу угадать.

В руке у неё — бокал с тёмно-красным.

— Куба, — говорит она. — Меня зовут Эстер. Эстер де ла Вега. Я хочу с тобой познакомиться.

— Кира.

— Я знаю. Сядь со мной на минуту.

Я смотрю на Адриана. Он стоит в полушаге, но кивает едва заметно. Можно.

Я сажусь на соседний стул.

Эстер делает глоток. Смотрит на меня поверх бокала. Глаза у неё — почти чёрные, без видимых зрачков.

— Сколько тебе лет, *niña*?

— Двадцать восемь.

— А мне — четыреста сорок. Я обращена в Гаване в тысяча пятьсот восемьдесят шестом. До того, как Гавана стала Гаваной.

— Серьёзно.

— Гавана тогда ещё называлась Сан-Кристобаль. И с тех пор, *niña*, я видела тут много нового. Я видела, как испанцы строили крепости, как англичане их брали и как кубинцы делали революцию я тоже видела. Ещё я видела, как этот глупый ваш Майами вырос из болота. А также сорок-пятьдесят таких, как ты.

— Каких?

— Девочек, которые приходят с охотниками внутрь нашего мира. Кто под меткой. Кто-то на цепи. А Некоторые на своих ногах.

— Я на своих.

— Я вижу.

Она делает ещё глоток. Долгий.

— *Niña*, — говорит она. — Я тебе скажу одну вещь. Бесплатно. Потому что мне сегодня скучно и потому что мне нравится, что ты в платье и со шпилькой, а не в джинсах и в страхе. Слушай.

— Слушаю.

— Ты пахнешь его одобрением. Адриан тебя ввёл сюда — это значит, что он сказал всем: эта моя. Это хорошо. До определённого момента.

— До какого?

— Три недели. Может, четыре. После этого кто-то решит, что одобрение фон Шёнберга — это не охрана, а наклейка. И тогда они придут проверить.

— Кто?

— Не он. — Она кивает в дальний угол. Я смотрю — там, в углу у окна, сидит мужчина. Один. Седой. Я не вижу его лица под низкой лампой.

— Это кто?

— Это Иштван. Из Будапешта. Он сегодня здесь как наблюдатель.

— От кого?

— От того, кого здесь нет. Я не назову имени. Но ты, *niña*, и сама догадаешься. Этот «кого нет» — он тебя сейчас изучает через Иштвана. Иштван завтра ему скажет, какая ты на

ошупь. И тогда он примет решение.

— Какое решение?

— Когда. Не «если». Когда.

Я ставлю бокал. Смотрю на неё прямо.

— Эстер, зачем ты мне это говоришь?

Она улыбается.

— Я тебе уже сказала. Мне скучно. И мне нравится, когда такие, как ты, доживают до моего возраста. Это редко. Я хочу увеличить твои шансы.

— Чем я могу тебе ответить?

— Ничем. Сейчас. Если доживёшь до пятидесяти — приди ко мне в Гавану. У меня там дом. Я буду тебя ждать. Расскажешь, как вышло.

— Договорились.

— *Buena suerte, niña.*

Она поднимает бокал. Я киваю. Возвращаюсь к Адриану.

Он смотрит на меня. Знает, что Эстер мне что-то сказала.

Не спрашивает.

— Поедем? — говорю я.

— Ты уже всё увидела?

— Я увидела достаточно.

Мы выходим из зала. Walter у двери кивает обоим. На воздухе — снова цикады, шум воды о причал, запах соли.

В лодке, когда мы отплываем от Salt Cay, я наконец говорю:

— Адриан.

— Да.

— Виктор знает, что я здесь. Сегодня. Прямо сейчас.

— Я знаю.

— И у меня три недели.

— Меньше. Эстер всегда округляет в большую сторону, чтобы дать надежду. Реально — две.

Лодка идёт по чёрной воде. Я смотрю на удаляющуюся косу, на которой только что мне сказали срок.

Две недели.

Я даже не уверена, что это плохая новость.

За пять лет работы у меня впервые есть от кого узнать срок заранее.

Глава 10. Aston и иерархия

Хайалия — это Майами для тех, кто здесь не на каникулах.

Низкие домики, выгоревшие фасады, дворы за сетчатыми заборами. Собаки лают за каждым третьим. Спутниковые тарелки на крышах ловят кубинские каналы. На вывесках чаще испанский, чем английский. Здесь Соланж держит дом, в котором приходят в себя девушки.

Адриан сворачивает с трассы в начале второго дня. Мы едем не в «Астоне» — на этот раз он взял неприметный чёрный седан с тонированными стёклами. Днём «Астоном» он не пользуется: слишком заметный.

— Здесь? — спрашиваю.

— Здесь.

Дом на углу. Двухэтажный, бело-голубой, с большой верандой. На подъездной дорожке — два автомобиля и тот микроавтобус, который вчера ночью забрал девушек. Окна занавешены. Над входом — кустарник в горшке, бугенвиллия.

— Соланж знает, что я приду?

— Я звонил утром.

— Что сказала?

— Что ждёт. И что в платье можно не приходить.

Я фыркаю.

Сегодня я в обычном — джинсы, футболка, кеды. Никакого театра, никаких каблучков. Кисть после Salt Cay ноет — я перемотала её свежим бинтом. Под джинсами на правом бедре — два штифта и клинок. Шпильки сегодня нет — днём на солнце серебро слишком греется.

Я выхожу из машины. Адриан остаётся внутри.

— Ты не зайдёшь?

— Сейчас — нет. Пусть они увидят тебя без меня. Я в саду буду, под навесом.

— Они меня не боятся.

— Знаю. Но не хочу оттенять.

Я киваю. Иду к веранде.

Дверь открывает женщина — не Соланж. Та самая креолка с короткими волосами, что была за рулём микроавтобуса. На рубашке у неё капли воды — кого-то умывала, видимо.

— Кира?

— Да.

— Я Тамар. Заходи.

В доме прохладно. Большая гостиная, светлые стены, плетёная мебель. Где-то на втором этаже работает телевизор — тихо, мультики на испанском. В кухне кто-то разливает что-то по тарелкам. Запах — рисовая каша, корица.

— Они здесь со вчерашнего, — говорит Тамар. — Спят много. Это нормально первые дни.

— Сколько?

— Пять. Все живы, никого не упустили. Двое в больни-

це на день — обезвоживание, царапины. К вечеру вернутся.
Камила здесь, ждёт тебя.

Камила стоит в дверях кухни. Без вчерашних следов на запястьях — Тамар обработала, забинтовала. Волосы вымыты. Чужая большая футболка до колен.

Я подхожу.

— Как ты?

— Сплю. Ем. Я ничего не помню после микроавтобуса.

— Это хорошо.

— Кира, — говорит она тихо, — у нас вопрос.

— У кого «у нас»?

— У меня и у одной девочки наверху. Она хочет тебя видеть.

— Из вчерашних?

— Да. Та, что сказала *El Limpiador*.

Я замираю.

— Я думала, ей пятнадцать.

— Семнадцать. Она младше всех, но не пятнадцать.

— Хорошо.

— Я провожу.

Мы поднимаемся по узкой лестнице. На втором этаже — четыре комнаты. В трёх — закрытые двери. В четвёртой — приоткрыта.

Камила стучит костяшкой.

— Лиза. Кира пришла.

Голос изнутри:

— Заходи.

Лиза.

Это её имя. Не пятнадцать — семнадцать. Не доминиканка — точно не уверена пока. Я думала о ней одно, оказалось другое. У меня внутри что-то сдвигается на полградуса.

Я вхожу.

Маленькая комната. Кровать, тумбочка, окно, выходящее во двор. На кровати сидит девочка в широкой майке и шортах. Тёмные волосы коротко острижены — кто-то её перед сном подстригал, неровно. Лицо узкое, с большими глазами. Кожа смуглая. На запястьях — лёгкие повязки.

— Я Лиза, — говорит она. — Лиза Морено. Я доминиканка.

— Кира.

— Я знаю.

— Тебе семнадцать.

— Будет восемнадцать в марте.

Я сажусь на край кровати. Не близко, в полуметре.

— Камила сказала, ты хотела меня видеть.

— Да.

— Зачем?

Она долго молчит. Потом:

— Я хочу научиться.

— Чему?

— Делать то, что ты делаешь.

Я смотрю на неё. На бинты на её запястьях. На то, как она

держит руки — сжатые в кулаки на коленях. У меня внутри поднимается что-то злое. Не на неё. На обстоятельства, в которых семнадцатилетняя девочка после подвала Лисандро хочет учиться убивать.

— Лиза.

— Что?

— Это плохая работа.

— Я знаю.

— Это не профессия.

— Я знаю.

— Это болезнь, которая выглядит как профессия.

— Я. Знаю.

Она смотрит на меня прямо. Глаза сухие. Это меня поражает больше всего — у неё не дрожат руки, у неё не плывут глаза. Она хочет того, чего хочет, и она это понимает.

— Откуда ты знаешь, что хочешь именно этого?

— Потому что в подвале я думала, что умру. И в этот момент я думала: если выживу — я найду каждого из них. Я нашла четверых уже здесь, в этом доме, по фотографиям, которые показала Тамар. Я их помню. Я хочу найти остальных.

— У них больше нет «остальных». Лисандро мёртв.

— У Лисандро есть сын Сантьяго. Я слышала, как они о нём говорили. Он на Восточном побережье.

Я молчу.

Эта девочка — лучше меня в семнадцать лет.

— Лиза, — говорю я. — Я не могу взять тебя в ученицы.

Я работаю одна. У меня нет даже своей школы.

— Я знаю.

— Тогда чего ты хочешь от меня?

— Имя контакта. Кого-то, кто будет меня учить, когда я буду готова.

Я думаю.

— Старик в Хайалии. Сальваторе Ди Анджело. Семьдесят два года. Не работает больше — но учит, если ему понравиться. Найдёшь по адресу: Палм-авеню, дом восемнадцать, белая дверь. Постучи три раза, потом два. Скажи, что от меня. Скажи, что ты после La Sangre Negra. Он поймёт.

— Спасибо.

— Лиза.

— Что?

— Один совет. Не сейчас. Через год. Минимум. Поживи. Потом возвращайся.

— Год — это долго.

— Год — это правильно.

— Хорошо.

Я встаю. На пороге останавливаюсь.

— Лиза. Кто тебе сказал про *El Limpiador*?

— Бабушка. В Санто-Доминго. Она говорила, что есть тот, кто чистит за нами. Что когда совсем плохо, он приходит. Я думала — это сказка.

— Это не сказка.

— Я поняла.

Я выхожу.

В коридоре стоит Соланж.

Я её сразу узнаю — высокая, в белом льняном платье до пят, волосы убраны в высокий узел, шею обвивает тонкая золотая цепочка с маленьким крестом. В руке — бокал воды.

— *Bonjour, chérie*, — говорит она. Голос низкий, мягкий, с тем самым луизианским креольским оттенком, который я слышала только в старых фильмах.

— Соланж.

— Зайди ко мне на минуту. Я в кабинете. Адриан подождёт.

Кабинет — маленький, на первом этаже, окнами во двор. Письменный стол, шкаф с документами, на стене — карта Юга США, обведённая красным карандашом — какие-то точки. Я не вглядываюсь.

Соланж садится за стол. Я — напротив.

— Девочка тебе понравилась, — говорит она.

— Я ей дала контакт Ди Анджело.

— Хорошее решение. Сальваторе её не возьмёт сразу — будет смотреть полгода. Но в итоге возьмёт.

— Откуда ты знаешь Ди Анджело?

— Я знаю всех охотников в Майами с восемьдесят пятого года. Это часть моей работы.

— Какой работы?

— Считать вас.

Я молчу.

— *Chérie*, — говорит Соланж. — Я скажу тебе одну вещь, которую тебе никто не скажет. Адриан хороший. Адриан мне дорог. Но Адриан — древний. У них своя память, и она их иногда сжирает. У него — самая длинная из тех, кого я знаю.

— Что это значит?

— Это значит, что когда он смотрит на тебя — он иногда видит не тебя. Если он промахнётся и перепутает — ты не злишься. Это не предательство. Это профессиональная травма.

— Кого видит?

— Одну женщину из его прошлого.

Соланж на секунду замирает.

— Спроси у него, *chérie*. Если он захочет — назовёт имя сам. Если не захочет — не настаивай.

— Хорошо.

— Идём, я тебя провожу. Адриан ждёт.

Мы выходим.

В саду, под пальмовым навесом, действительно — Адриан. Сидит в плетёном кресле, в чёрной рубашке с длинными рукавами, в тёмных очках. Тень густая. Он не выглядит уставшим, но я уже знаю: днём он всегда напряжён.

— Соланж.

— *Mon cher*. Девочки в порядке. Кире я сказала всё, что было нужно.

— Хорошо.

— *Von voyage*. Я сегодня вечером в город не приеду — нужно с этими ещё поработать. Завтра увидимся.

Она целует его в щёку. Меня — нет. Но кладёт мне руку на запястье, на секунду, и от этого жеста у меня внутри теплеет.

В машине я молчу первые десять минут.

Адриан ведёт спокойно, по правой полосе, по сорок миль в час. Майами в начале третьего часа дня — жара, мираж над асфальтом, кондиционер на минимуме. Я смотрю в окно.

— Куда едем? — наконец спрашиваю.

— У меня есть одно место. Я хочу, чтобы ты его увидела днём, а не ночью.

— Где?

— Key Biscayne. Под мостом, со стороны материка. Маленькая площадка, на которой я иногда останавливаюсь, когда мне нужно подумать.

— Триста лет, и тебе нужно специальное место?

— Особенно в триста лет.

Через двадцать минут мы выезжаем на Rickenbacker — длинный мост через Бискейн-бэй на Ки-Бискейн. С обеих сторон — голубая вода, белые яхты, далёкие силуэты круизных лайнеров. Я люблю этот мост. Я проезжала его сотню раз — в патруле, одна, на свидание, которое сама себе не хотела называть свиданием.

Адриан сворачивает почти сразу после съезда — на боковую дорогу, ведущую под мост.

Парковка под опорами — пустая. Бетонные сваи, прохлада, ветер с воды. Пирс, уходящий в залив. Чайки, цикады,

шум транспорта над головой.

Он глушит мотор. Опускает стекло.

— Это здесь?

— Здесь.

— И ты сюда приезжаешь подумать.

— Я сюда приезжаю смотреть на мост.

Я смотрю вверх. Серый бетон, опоры, поток машин гудит ровно.

— Ты помнишь, как его строили? — спрашиваю.

— Я финансировал часть. В шестидесятых.

— Серьёзно?

— Не лично. Через фонд, конечно. Но идея была моя.

— Зачем ты строишь мосты?

— Затем, чтобы было куда уезжать. У меня были годы, когда я ничего не делал, кроме как уезжал.

Тишина.

— Адриан.

— Да.

— У вас иерархия — какая?

Он смотрит на воду. Долго.

— Молодые — до пятидесяти лет. Физическая сила выше человеческой раза в три. Слух, обоняние, ночное зрение лучше. Чувствительны к серебру, осине, солнцу. Голод — острый, плохо контролируемый. Их легко убить, легко обмануть, легко спровоцировать. Они дешёвая армия. Их много обращают, потому что половина не доживает до тридцати

лет.

— Дальше.

— Средние — от пятидесяти до двухсот. Сила выше уже раз в пять-семь. Чувствительность к серебру и осине остаётся, но они её научились скрывать. Голод управляемый, если есть дисциплина. К солнцу — терпимость двадцать минут, потом становится плохо. Эти уже политики. У них есть свои дома, свои деньги, свои планы.

— Дальше.

— Старшие — от двухсот до пятисот. Это уже настоящие. Сила выше живого в десять раз минимум. Реакция — быстрее, чем глаз успевает заметить. К серебру — устойчивее, но смерть от него всё равно есть. Солнце — час, без последствий. Голод почти не чувствуется, если они не хотят его чувствовать.

— Ты — старший.

— Я — старший.

— А над тобой?

— Древние. От пятисот и выше. Их мало. В мире, может быть, сотня. В Майами — четверо.

— Четверо.

— Соланж — двести пятьдесят. Старшая, но не древняя. Орлов — триста пятьдесят, тоже старший. Эстер де ла Вега, которую ты вчера видела, — четыреста сорок, граница. Дмитрий, Иштван, ещё несколько — все старшие. Древние — это уже другая категория. Они в Венеции. В Совете.

— Виктор.

— Виктор — шестьсот. Древний.

Я молчу.

— А ещё кто?

— Об этом как-нибудь в другой раз.

— Адриан.

— Да.

— А дикие?

— Дикие — это те, кто сорвался. Не контролируют голод. Убивают много, без разбора, без чистоты. Их находят и убивают свои же — это закон. Им не дают жить.

— Закон какой?

— Старый.

— Кто решает?

— Совет.

— А если Совет не успевает?

— Тогда — старший в регионе. Иногда — я.

Тишина.

Я смотрю на его левое запястье. Сегодня тот же браслет. Тонкий, тёмный, с серебряной застёжкой. Под ним — край шрама. Я уже видела его в библиотеке. Сегодня я хочу спросить ещё раз.

— Адриан.

— Да.

— Твой шрам.

Долгая пауза. Он смотрит на воду. Не на меня.

— Кира, я тебя один раз попросил не спрашивать. Это было в библиотеке. Сейчас спросишь ещё раз — я отвечу, но не до конца.

— Насколько не до конца?

— До половины.

— Хорошо.

Он расстёгивает браслет. Медленно, одной рукой. Снимает.

На запястье — шрам. Длинный, неровный, идущий от основания ладони вверх по предплечью. Не порез. Что-то рваное, как от зубов.

— Это укус, — говорю я.

— Да.

— Чей?

— Это и есть «половина», которую я не скажу. Скажу лишь, что меня укусил тот, кого я любил больше всех. В тысяча восемьсот восемьдесят седьмом. После той ночи я стал тем, кого ты сейчас называешь *El Limpiador*.

— Один укус — и сто сорок лет работы.

— Один укус — и сто сорок лет вины.

Я смотрю на шрам. На бледную кожу вокруг него. Хочу провести пальцем — не провожу.

— У вампиров не остаются шрамы, — говорю.

— Не остаются. Кроме одного случая.

— Какого?

— Когда твою кровь выпил кто-то старше тебя. И при

этом ты сам ему её отдал.

Молчание.

— Это была женщина.

— Да.

— *Та, о которой говорила Соланж.*

Он отворачивается. Смотрит на воду. Долго.

— На сегодня — достаточно.

— Хорошо.

Он застёгивает браслет обратно. Я смотрю, как тонкая кожа закрывает шрам.

— Адриан.

— Да.

— Спасибо.

— За что?

— За половину.

Он медленно кивает.

Мы сидим под мостом ещё минут двадцать. Я не говорю. Он тоже. Сверху едут машины — одна за одной, тысячами, и каждая везёт чью-то жизнь над водой, в которой одного из нас укусили сто сорок лет назад.

Когда мы выезжаем обратно, я успеваю заметить — на парковке возле выезда стоит чёрный «Линкольн». Незнакомый. Окна тонированные. Никто из него не выходит.

Адриан тоже его видит.

— Иштван, — говорит он коротко.

— Откуда такая уверенность?

— У него этот «Линкольн» с восемьдесят шестого. Машины он не меняет — говорит, что в новых слишком много электроники, которая его помнит. Это его суеверие.

— Он едет за нами с Хайалии?

— Видимо.

— Что делаем?

— Едем домой. Не сегодня. Если он хочет смотреть — пусть смотрит. Сегодня я ему ничего не дам.

Мы выезжаем на мост. «Линкольн» остаётся стоять.

Я смотрю на спину Адриана за рулём. На его руку на руле, на тонкую кожу запястья под браслетом.

Я больше не на ничьей стороне. И я не помню, когда это случилось.

Глава 11. Голод в Эверглейдс

В Эверглейдс в августе ночью температура падает на пять градусов — до тридцати трёх.

Это значит, что вместо невыносимой жары становится просто очень жарко. Москиты толще пальца. Воздух плотный, как варёный.

Адриан сворачивает с трассы US-41 на узкую гравийную дорогу. Чёрный пикап, который он взял для этой операции, идёт тяжело — рессоры старые, дорога разбита. Я сижу на пассажирском сиденье, ноги в ботинках, на коленях — ката-на в чехле. Сегодня я её взяла.

— Сколько ехать? — спрашиваю.

— Двадцать минут до точки. Потом пешком через мангры.

— Кто там?

— Хосе Каррера. Семьдесят лет обращённый. Кубинец, как Лисандро, но другой школы. У него ферма. Доноры на цепях, в металлических ангарах. Сейчас, по моим данным, — восемь человек. Шесть женщин и двое мужчин.

— Сколько он там держит обычно?

— До двенадцати. Меняет раз в два-три месяца.

— Меняет?

— Тех, кто перестаёт давать кровь, он продаёт. Перепродаёт другим. На юг, в Мексику, в Латинскую Америку. Есть

рынок.

Я смотрю в окно. За стеклом — чёрная стена тростника, мангр, болот. Майами в часе езды позади, но кажется, что в другой жизни.

— Откуда у тебя данные?

— Соланж. У неё информатор работает в дальнобойной компании, через которую Хосе отправляет товар. Информатор живой. Соланж ему платит, и он молчит.

— А охрана?

— У Хосе двое его, обращённых. Плюс трое-четверо живых — за деньги. Соланж посчитала троих, но у неё информатор не из первого круга — может быть ошибка на одного. Живые с автоматами, обращённые с холодным оружием. Хосе обычно сам не воюет.

— У него арбалет?

— У него арбалет.

Я смотрю на Адриана. Он смотрит на дорогу.

— Серебряные стрелы?

— Тридцать про

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.